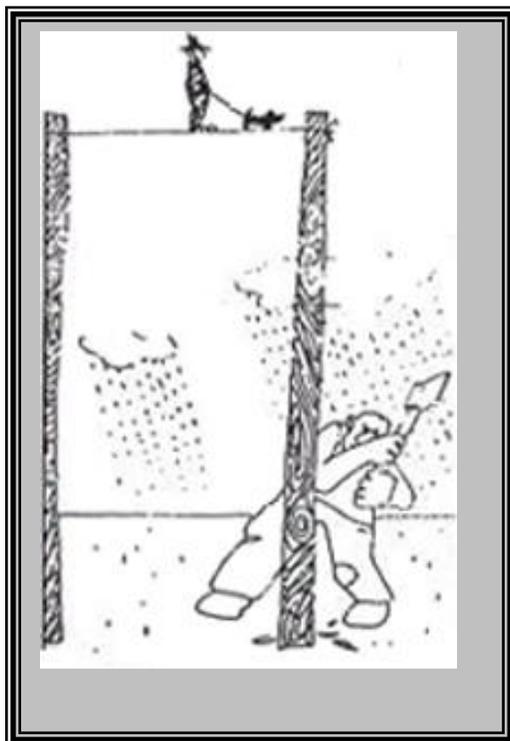

ЗОНА ЕВРЕЙСКОГО СМЕХА

Еврейские Были

Еврейские Притчи

Речистые Былинники

Исход без Исхода

Песни и Оперы

Глядя из Брайтона

НОВЫЙ ИУДЕЙ

или

повесть о том, как буква “Ж” висела в воздухе

Ленинград. 1967 год. Мастерская художника Х.. Нонконформистская пьянка. Красавец-живописец, русский богатырь с фамилией, оканчивающейся на КО, залпом пьет стакан за стаканом и после каждого выпитого раздражается спитчем, в котором буква “Ж”, является доминирующей.

- Жиды – рычит он – продали Россию.

- Жжиды – шепчет он – купили Россию.

- Жжжиды – орет он, – пьют кровь христианских младенцев на пасху, как мы - водку..

- Жжжжжжжжиды - проповедует он – нам, rrrrrрусским людям, жжжжжжжжить не дают.

И после каждого залпа стучит кулаком по столу. Стол вздрагивает и прогибается. Я молчу. Как возразить? Зачем возразить? И кому возразить?

Ленинград. 1979 год. Невский проспект у Строганова дворца. Русский богатырь с фамилией, оканчивающейся на КО, перебегает проезжую часть главной улицы города, лавируя между машинами, как тореодор на арене, и останавливает меня, рутинно стремящегося куда-то, могучей рукой.

-Ты меня помнишь? – спрашивает живописец, театрально положив руки на мои плечи.

Я молчу и спокойно смотрю в синие, как небо над Волгой, глаза русоволосого красавца. Он еще спрашивает! Такие не забываются.

- Ты еврей! – сообщает мне художник. – Ты все должен знать.

Продолжаю молчать и вопросительно смотреть на нонконформиста.

- Когда мацу надо есть? – спрашивает мастер внезапно, переходя на деловой тон, - на пурим или на ссудный день? – Резко спрашивает, как выстреливает. И, достав записную книжку, листает ее, раскрывает на нужной странице и замирает в ожидании.

- На обрезание, - шучу я. Художник записывает полученную от меня информацию, каллиграфически выводя каждую букву, и, вчитавшись в ранее сделанную запись, текст которой очевидно, был продиктован ему кем то, задает новый вопрос:

- А хоменташь? Я правильно произношу: “Хоменташь”?? Их чем у вас начинают? Салом? Капустой? Рыбой фиш?

И в ожидании ответа отбрасывает назад, к затылку, волосы, растрепанные внезапным порывом ветра.

- Кровью христианских младенцев, - хочу сказать я. Но не говорю. Кто его знает, зачем он записывает и кто будет читать его записи?

Художник ждет и, по-видимому, решив, что, несмотря на мою некоренную наружность, я в гоменташах не копенганен, разочарованно засовывает записную книжку в карман штанов.

- В израИль еду! – объясняет он, произнеся слово “Израиль” с ударением на последнем слоге, как в то время делали патриотически настроенные большевики и большевистски настроенные патриоты. – На постоянное местожительство. Видишь: к интервью готовлюсь. Мало ли чего спросят. . .

Мастер подмигивает и ладонью могучей десницы возвращает на предназначавшуюся ей место на лбу упавшую на глаза русую прядь. Я молчу.

- А я ведь евреец! – неожиданно восклицает красавец, очевидно, чтобы окончательно рассеять мое удивление от направленности его любознательности. Слово "евреец" произносится художником с твердым и раскатистым “рр”. – Евррреец по матери я. И по бабушке моей материнской. А ты не знал?

Молча вглядываюсь в славянское лицо нового иудея. Чему удивляться? Евреи в тот год были не роскошью, а средством передвижения. В нас вступали, как в партию.

Париж. 1991 год. Мастерская французского художника-нонконформиста Х.. Нонконформистская пьянка. Французский-художник с фамилией, оканчивающейся на КО, и глазами, синими, как русское небо, пьет стакан за стаканО’м, и после каждого выпитого раздражается спитчем, в котором буква “Ж”, является доминирующей.

- Жиды – рычит он – продали Россию.

– Жжиды – шепчет он – купили Россию.

– Жжжиды – орет он, – пьют кровь христианских младенцев на пасху, как мы - водку..

- Жжжжжжжжиды - проповедует он – нам, рррррусским людям в Фррррранции, жжжжжжжжить не дают.

И после каждой филиппики стучит кулаком по столу. Стол вздрагивает и прогибается.

Я молчу. Как возразить? Зачем возразить? И кому возразить?

БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БЕЖЕНЦЫ

Рим. Американское консульство. Кабинет для прохождения интервью на получение статуса беженца. В очереди – евреи, примкнувшие к евреям и выдающие себя за евреев. Народ сидит притихший, пришибленный, очевидно, по причине опасения быть прослушанными – как никак, американское территория, режимная организация... Кто то запыхавшись подбегает и спрашивает идеоматически:

- За чем очередь, граждане? Что дают?

- Беженство, – не удержавшись от красного словца, бурчу я в ответ не то остроумцу, не то отупевшему от ожидания земли Обетованной в Римской пустыне советскому человеку.

В толпе беженцев, примкнувших к беженцам и выдающих себя за беженцев выделяется многодетная семья из Узбекистана. Мать, сами понимаете, героиня, отец, сами понимаете, герой, три сына и пять дочек. Сидят неподвижно. Благоразумно молчат. Народ приземистый, кряжистый и и загорелый до черноты. Очередь меж тем движется и приближается к заветной двери, хотя ее держатели, само собой разумеется, остаются сидеть недвижимо на занимаемых ими стульях. И вот наступает момент, когда семья из Узбекистана выходит (не сходя с тех же помянутых всуе седалищ) на передовой рубеж. И тогда отец семейства приходит в движение. Кладет на колени сиротливо стоявший до того у ног портфель и вынимает из него стопку тюбитеек, расшитых арабской вязью. Народ с любопытством глядит на манипуляции с тюбитейками. И я вместе с народом. Тюбитейки надо сказать, знатные. Бархатные. Вздвигающиеся над волосами в виде усеченных пирамид. И арабская вязь сияет на них, как на мечети.

Так как боязни не получить статуса беженца – еще чего не хватало! – у меня не было, я являлся в очереди за беженством самым расслабленным. Как, впрочем, кажется, и повсюду где бы ни находился – с самого появления на свет. Причем я имею в виду не Новый Свет, а свет вообще. Улучив момент, спрашиваю:

- Скажите, товарищ еврей, а это у вас что?

Человек в тюбитейке вздрогнул.

- Ты о чем спрашиваешь, мил человек?

- О тюбитейках, вестимо. Вы их, извините за любопытство, для чего вынули?

- Это не тюбитейки, мил человек. – поправил меня человек с тюбитейками и поглядел на потолок: слушайте, мол там, наверху, правоверные речи, - это кипы.

- Это? Кипы? – изумился я.

- Кипы, – подветрил человек с тюбитейками. – Каждый еврей должен носить кипу. Если конечно, мил человек, он настоящий еврей, достойный статуса беженца. Неужели тебе никто не объяснил?

- Да вроде что-то такое припоминаю, – произношу я как бы припоминая.

Тут заветная дверь раскрывается и некто Невидимый приглашает следующую семью. И я вижу, что отец сепейства раздает своей чадам, равно как и достославной супруге своей, матери чад, тюбитейки. Которые все они – и отпрыски, и дочери, и достославная мать дочерей и отпрысков, и он сам, плоть от плоти которого произошли эти дочери и отпрыски – надевают на свои черные головы. После чего еврей в тюбитейке (или примкнувший к евреям – кто знает?) наклоняется ко мне и, исполненный покровительства, успевает понапутствовать меня, недоумка, на ухо:

- Без кипы беженца не дают, мил человек. Если на голове нет кипы, пропащее дело. Так что можешь даже и не пытаться.

- Неужели пропащее? –спрашиваю я как-бы тревожно.

Без-пяти-минут-беженец прикладывает руку к сердцу – после чего расплывается в улыбке и растворяется в ней.

- Я с тобой поделюсь, мил человек. Так и быть.

- Чем поделитесь? – не понял я. – Вы вроде уже всем поделились. Или еще есть что сказать?
- Кипой поделюсь, мил человек. Без кипы получить беженство пропавшее дело. Еврей без кипы не еврей – это я тебе официально сообщаю.
- Неужели пропавшее? – повторяю я, чтобы не напугать без пяти минут беженца разнообразием восклицаний.
- Совершенно пропавшее и бесполезное. – Тут без пяти минут беженец покосился на мой пиджачек не от Диора – и по лицу его сверху вниз пробежали 1) мысль и 2) последовавшее за ней озарение. – Так и быть! я тебе кипу даром так дам.
- Как именно так? – поинтересовался я.
- Без денег. Так и в африке так.
- Ну зачем же впадать в крайность? – сказал я, оценив степень великодушия. – Это как-то даже обидно.
- С таких как ты денег не берут, мил человек.
- С каких таких?
- Будто сам не знаешь...

Я огляделся из-под ресниц. И увидел Картину. Вокруг меня сидели в как бы кипах как бы праведные евреи в количестве как бы десяти, составлявшие как бы миньен, в считанные мгновения стершие грань между

мальчиком и девочкой,
сыном и дочерью,
исламом и иудаизмом,
наивностью и цинизмом,
верой и неверием,
беженцем и жуликом,
мужчиной и женщиной,
мечетью и синагогой.

Тут кто-то Невидимый раскрыл заветную дверь и пригласил для разговора следующую семью. Миньен без пяти минут беженцев – четверка мужского пола и шестерня пола немужского – короче говоря одним словом десятерня - задвигалась. Встала. И пошла куда звали. Последней исчезла из поля моего зрения тубитейка отца новообращенного семейства. Арабская вязь которой долго еще сияла в воздухе после ее исчезновения. И кажется, продолжает в какой-то мере мерцать до сих пор.

25 Февраля 2001 г.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ ГИМЕНЕЯ

В бытность у власти генсека (то есть, расшифровывая сокращение буквально, генерального сека) ЦК КПСС с расширением груди для орденов и медалей Леонида Второго, я оказался в командировке с Олегом Леонидовичем Соколовым, моим непосредственным, хотя и посредственным во всех отношениях за исключением непосредственности, начальником, в Прибалтике. С трудом получив номер на двоих в гостиннице, мы обнаружили, что кровати, предназначенные для нашего сна, сомкнуты и кокетливо связаны розовой и

голубой ленточками, эффектно завязанными на церемонный бант. Посмеявшись пару минут тому, что прибалтийская администраторша, неправильно истолковав интенсивность наших с Олегом Леонидовичем деловых отношений, единство взглядов на разрабатываемые проекты и обусловленную интересами государства зримую близость друг к другу, поселила нас в номер для гомосексуалистов и позубосклив на эту тему, я перешел от слов к делу и хотел было, с присущей мне беззаботностью и чисто российской склонностью к простым решениям, решить вопрос моментально и кардинально, развязав гордиев узел и раздвинув кровати. Но законопослушный начальник остановил меня жестом, не разрешив предпринять действия в стиле А-Ля-Рюс, а отправился в холл за получением одобрения по-советски. Вернулся оттуда мой посредственный непосредственный озадаченным и сообщил, что, оказывается, игривый номер этот под кодовым именем Алькова и в самом деле *оборудован по спецназначению*. Но не для гомосексуалистов, которые тогда были не только не в моде, но и не в законе вообще. А для кого бы вы думали? Для молодоженов! Поэтому ленточки на кровати и других интимных местах интерьера завязывал местный художник в соответствии с общим замыслом оформления Алькова, утвержденным Художественным Советом Города, и развязать их – значило нанести урон гостинничному хозяйству и общественному достоянию. Номера для молодоженов в то время, оказывается, были почином городской администрации, о которой писали республиканские газеты и за которую она, администрация, намеривалась быть замеченной и одобренной свыше. По всему по этому разрешение на раздвижение кроватей администратор своей властью дать ну никак не мог. Ну не было у него таких полномочий! По словам Олега Леонидовича, добро на переоформление номера под кодовым названием «Альков» мог дать только директор гостинницы, который придет на работу не ранее чем в десять утра в понедельник, да и то только в том случае, *если его не вызовут на совещание в куст*. Скорее всего для разрешения нарушения баланса в одобренном, дозированном и утвержденном на городском уровне удовольствии новобрачных в виде сдвигания кроватей на которых им надлежит спать, компетенции локального руководства недостаточно и надо выходить на уровень мэрии, а возможно, и лично городского головы, чьим детищем была эта идея, передовая и дерзновенная по тем временам, в которые, как писали в газетах, *“Во всей Стране Советов, от края и до края, нет ни одной инициативы, которая не исходила бы от Партии и Правительства”*.

Поразмыслив, я спросил Олега Леонидовича, нельзя ли нас переселить в другой номер, не оборудованный по спецназначению столь кардинально. Мой посредственный непосредственный к вопросу был готов и мгновенно ответил, что, по словам администраторши, это совершенно невозможно, потому что данный нам номер - единственно свободный в гостиннице, от которого она вынуждена была дать нам ключи так как имела насчет нашего поселения телекс из совета министров – не Страны Советов, всего лишь Прибалтийской республики, но тоже скажу я вам, директива, нарушить которую, по широко распространенному убеждению, было опаснее чем любую из десять заповедей, по крайней мере для преуспевания в земной жизни, той самой, в которой *“не было ни одной инициативы, которая не исходила бы от Партии и Правительства”*. Раскрыть же перед нами, *спущенными на нее*, как тогда говорили, *сверху*, дверь на зеленую улицу, как прибалтийская

дама без колебания сделала с остальными командировочными из России, добивавшимися от нее осуществления своего конституционного права на сон в горизонтальном положении, администраторша не рискнула.

...Как прошла моя первая в жизни ночь в одной постели с женщиной, описывать не буду. Короче говоря одним словом, неважно прошла. И не только из-за сексуального неприятия Олега Леонидовича мною при всем моем уважении к нему как к начальнику и гражданину. Запах исходивший от Олега Леонидовича мне вопиюще мешал забыться. Да и тело его, время от времени случайно касавшееся моего (никакого другого умысла, кроме попытки заснуть, в движениях Олега Леонидовича – скажу, как перед трибуналом – я не подозреваю) вызывало у меня скорее дрожь, чем озноб. Забылся я только под утро, как впрочем и Олег Леонидович. Вырваны же мы были из объятий – нет, не друг друга, слава богу: а то сидеть бы нам в местах не столь отдаленных, сколь удаленных, годков этак пять-шесть, как режиссер Параджанов, посаженный за то же самое незадолго до этого, а всего лишь Морфея – явившейся в номер (кстати сказать, без церемоний вроде стука в дверь и других цирлих-манирлих, а воистину явившейся и материализовавшейся перед нашими заспанными глазами) уборщицей с шваброй. Которая, увидев нас, спящих, как голубки: Олег Леонидович на правом бочку, я на левом, так что наши уста почти (но слава богу только почти и не более чем почти!) смыкались – уставилась на кровать и изумилась, произнеся с ясно улавливаемым отвращением, оперевшись на искомую швабру: НУ, МУЖИКИ, ВЫ ДАЕТЕ! – но узнав от законопослушного и очень солидного – даже в неглиже! – Олега Леонидовича, в чем дело, положила на Олега Леонидовича (очевидно, как наиболее заслуживавшего доверия из нас двоих) швабру (не презрения ради, а чтобы освободить руки) дернула за гордиеву ленточку, развязав узел одним рывком, засунула узу Гименея в карман фартука, раздвинула мощной коленкой кровати одобренные и оборудованные для счастья молодых (не взирая на дополнительную трудность в виде нашего с Олегом Леонидовичем веса на каждой из них), взяла в руки орудие пролетариатки (швабру, а не то, что могли бы подумать самые извращенные из читательниц) и изрекла загадочные слова, напоминающие призыв: “МУЖЧИНЫ! СПИТЕ КАК ЛЮДИ. И БУДЬТЕ МУЖЧИНАМИ.”

25 Февраля 2001 г.

ОКО ЗА ОКО, ХУК ЗА ХУК

*Размышление у Румянцевского Обелиска
Пятнадцать Лет Спустя
Все на Свете*

В конце восьмидесятых, когда страна, как феникс, воспряла из мертвечины и уже было разрешено задавать любые общественно значимые вопросы за исключением одного единственного: *А почему?* – реанимация эта происходила не только индивидуально, но и коллективно. И одной из первых воспарила из пепла

организация с емким именем “Память”. В которой было столько же памяти, сколько либерализма и демократии в Либерально Демократической Партии, основанной вскоре после описываемых событий ее либерально-демократическим вождем, либерализм и демократизм которого известен каждому российскому гражданину.

Главной целью организации “Память”., если верить ее собственным декларациям, была борьба с Еврейским засильем. Более серьезных проблем чем эта, повидимому, в Советском Союзе не накопилось. После ее разрешения, несомненно, на одной шестой части суши должно было наступить поголовное процветание и повальное счастье.

Движение Память быстро охватило родину Великого Октября. Ленинград, кажется, был колыбелью этой освободительной революции – но не может же революция вечно жить в колыбели! Члены организации Память собирались у Румянцевского обелиска, неподалеку от набережной Невы, как раз между Университетом и Академией Художеств. И – надо сознаться – время от времени получали словесный отпор. Однако дискуссировать с энтузиастами антиеврейского фронта ходили, вопреки ожиданиям, чаще всего не иудеи, а самые что ни на есть русские ребята. С русыми волосами и голубыми глазами. С православными профилями и славянскими фасадами. А к тому же нередко, и я бы даже сказал как правило, ростом под два метра и дюжими кулаками, а также разрядами по боксу и карате. Но ни кулаки, ни рост, ни пояса карате этим защитникам нас от Родины почему-то не помогали. Прозападно ориентированные мужчины и пацаны с фасадами и профилями характерными для коренного населения, неизменно уходили из Румянцевского садика битыми. Причем довольно таки основательно. Что, впрочем, не мешало многим из них, поправившись, отправляться на то же самое место вновь и вновь. Что вселяет, надо сказать, уважение и веру в светлое будущее державы, в которое они, битые и перебитые, в тот момент сами не очень верили.

Так что за нашу с вами честь, господа евреи, надо признать - боролись словом и делом в своем подавляющем большинстве – говорю как очевидец, который все видел вот этими моими глазами - не мы. О чем говорю не без гордости и уважения к народу, из которого эти борцы за нас с вами вышли.

Но надо же было кому-то и из нашего брата ходить говорить с энтузиастами борьбы с нами! И к тому же этим кем-то должен был быть не только тот, кто за хохмой в карман не полезет, но и из тот, кто умеет не только поговорить, но и, говоря, что-то сказать. Ведь оппонентами были не мужики от сохи, а люди с высшим образованием, члены союза писателей, композиторы, философы, доценты и профессора. То есть представители не только самых широких, но и самых узких интеллигентных слоев.

Я был один из немногих лиц еврейской национальности, ходивших к румянцевскому обелиску как на работу, точнее, после работы. Появлялся, если можно так выразиться, в виде красной тряпки на арене во время корриды. Не чувствуя как ни странно ни малейшего страха в роли Давида перед толпой Голиафов. Не смотря на то, что не имел за спиной ни разряда по карате, ни косой сажени по диагонали. Но странное дело: мои русские приятели, каждый из которых мог справиться с десятиными такими как я, неизменно уходили из румянцевского садика битыми. И те незнакомые мне русские мужчины и пацаны, которые

собирали вокруг себя у подножия румянцевского обелиска толпу энтузиастов борьбы со мной, а не ими и им подобными, тоже. Они уходили битыми. Но я - никогда.

И тогда, и сейчас, спустя без малого пятнадцать лет, я пытался и пытаюсь осмыслить этот феномен. И, вспоминая пылающие ненавистью лица и размахиваемые перед моим носом – но никогда не касавшиеся его – кулаки, я пытаюсь уразуметь, почему же в своем размахивании кулаки эти были так осторожны? Не потому ли, что чувствовали за моей спиной поддержку невидимого - и ненавидимого – сионизма? Да что там чувствовали – видели его так же ясно, как верующий большевик в тридцать седьмом году видел в лице преуспевающего крестьянина врага, а на дне БеломоБалтийского канала – коммунизм. Антисемиты (слово, произносимое ими с гордостью) видели за моей спиной мировой сионизм, поддержку которого я в тот момент ощущал не в большей степени, чем Герман Титов, которому Хрущев (своими ушами слышал) во время героического полета космонавта публично обещал помощь Коммунистической Партии, если с космическим кораблем на орбите произойдут неполадки.

Как я догадываюсь, уважаемые члены Организации память, воспитанные партией коммунистов, организаторе и вдохновителе всех наших побед над нами, рассуждали примерно так: “Ну погоди, жжжидовская морррда. Пррридет час. Прррррридет! Вот тогда мы тебе покажем Кузькину Мать. Тогда мы тебя в пух и прах рррррразнесем. На куски рррррразоррррем. Руки ноги повыдерррррргаем. Но не сейчас. Рано пока. Да и разрешения такого пока не было – распускать руки. Не было пока такого циркуляра от компетентных органов и вышестоящих инстанций. Так что погоди, жидовская морда. Придет час. Когда руки перестанут чесаться и начнут молотить. Ой. придет!”

После чего, не в силах более сдерживаться, перебежали к другой группе. В которой с ними дискутировало другое лицо. Родное. Славянское. За спиной которого им поддержка мирового сионизма не мерещилась. И тут уж кулак попал по назначению. То бишь по лицу. По тому самому, славянскому, голубоглазому, за счастье и процветание которого память и ее организация ни на секунду не ослабевала. Око за око, хук за хук. Без малейшего затруднения. И без задержки.

February 23 года 2001ого

ЧТО МЕЖДУ НИМИ ОБЩЕГО? Игра Загадка “Угадайка”

В некоторой школе, в четвертом Б классе, жили-были тридцать семь учеников. И среди них были трое. По всем параметрам совершенно разных детей. Сидевших в разных концах класса. И с разными фамилиями. У одного ученика фамилия была Гутман. У другого – Горлин. А у третьего Магаршак. И были эти ученики ну совсем непохожи друг на друга. То есть до того непохожи, что это редко бывает до такой степени. Один был большой и толстый. Другой был маленький и острый. Третий был вихрастый и задумчивый. Общего у них,

пожалуй, было только одно: то, что было записано в пятой графе паспорта их родителей.

Мда...И была в том же самом четвертом классе Б одна очень талантливая девочка. Как сейчас помню: Ира Ярыга. Любящая художественное слово. Театр. И вообще испытывавшая не годам сильную тягу к искусству. Настолько сильную, что эта тянущаяся к искусству Ира Ярыга сочинила стихи. В них, правда, было всего две строчки. Но зато какие! Их можно было не только декламировать, но и петь: поодиночке и хором, хлопая в ладоши и тыча пальцами, похохатывая и даже прыгая на одной ножке. Вот они, эти достопочтенные строчки:

*ГУТМАН, ГОРЛИН, МАГАРШОК
СЕЛИ РЯДОМ НА ГОРШОК*

И ученики 4Б класса с удовольствием пели эту песенку. Поодиночке и хором. Тыча пальцами, похохатывая, но чаще всего прыгая всем классом на одной ножке. Не уточняя, что собственно общего между Магаршаком, Гутманом и Горлиным. По всем параметрам и чертам характера совершенно разным индивидам. За исключением разве что одного: записи в пятой графе ... нет не паспорта. Паспорта у мальчиков еще не было - его в шестнадцать лет выдавали. В графе школьного журнала. Той самой, которая была очерчена сразу после фамилии ребенка. Так что, откровенно говоря, уточнять, что было общего между Гутманом, Горлиным и Магаршаком не было никакой необходимости. Без уточнения, что между ними общего, эта их общность была даже еще более выпукла и очевидна.

...Прошло много лет. Так много, что, кажется, столько не живут. И я, как мне казалось, забыл эту незамысловатую песенку навсегда. Но, когда в один прекрасный дождливый день я узнал из газет, что руководитель одной сверхдержавной сверхдержавы, приглашая к себе самых богатых бизнесменов страны, так называемых олигархов, для разговора, не пригласил троих:.

По всем показателям совершенно разных олигархов.

Работавших в разных индустриях в разных концах страны.

К тому же один олигарх был большой и толстый.

Другой олигарх был маленький и вострый.

Третий олигарх был задумчивый и миловидный.

И фамилии у олигархов были – НуСовсемНепохожие.

У одного олигарха фамилия была Березовский.

У другого олигарха фамилия была Гусинский.

А у третьего олигарха фамилия была Абрамович.

Короче говоря одним словом – ну совсем непохожие олигархи – я удивился. Почему же не пригласили на встречу с высшим должностным лицом страны именно их троих, господи твоя воля? Что мне это селекция напоминает? И что между ними общего, между этими троими олигархами? Положим, Гусинского критиковали за неправильную политику его телевизионного канала. Березовского, благодаря беспрецедентным усилиям которого этот самый руководитель получил самый высокий пост в стране, ругали за сам факт владения телеканалом. Но Абрамович то здесь при чем?

Думал, думал... и вдруг ни к селу ни к городу вспомнил Иру Ярыго.

И ее незамысловатую песенку.

Которую ученики 4Б класса пели, прыгая на одной ножке.

С тех пор эта простенькое двестишьё не выходит у меня из головы. И я то и дело его напеваю. По поводу и без повода. Хотя, казалось бы, чего ради? Что между этими двумя историями общего? Абсолютно ничего. Не больше чем между Гутманом, Магаршаком и Гутманом в той детской песенке, которую ученики четвертого Б класса пели, прыгая на одной ножке.

Сентябрь. Последняя Осень Второго Тысячелетия.

@ All rights reserved

ПС wrote:

Дорогой Юра! Это пишет "безымянная" (правда, с буквой ы) Наташа. Место Патласа-
указано в моем письме. Это раздел журнала "Персоналии", внутри них - "Жизнь замечательных евреев"- кликните на его фото - посмотрите обязательно. Спасибо за
милое послание.

Привет вам, бестелесные и безЫмянные. (простите, что стал слаб я на орфографию, в век когда тебя постоянно проверяют, даже милые астальные особы заботятся, по крайней мере орфографически, это еще не самая смертная слабость).

Доктор Петлас замечательный человек.И - мне мерещится что мы знакомы по Питеру. . У вас есть его телефон? И кстати, почему вы попросили посмотреть именно его биографию?

Кстати (или некстати), один эпизод из этого рассказа - с профессором героем Советского Союза, посмертно награжденным за подбитие шести танков и оказавшимся живым - неожиданно напомнил мне другой. И изложу его печатая в реальном времени, как Бог на душу положит.

САМОВОЛЬНО ЖИВЫЕ

Что то часто, скажу я вам, стали появляться биографии замечательных людей. А

это значит, что они умирать стали всей стаей. Время, значит, такое светлое пришло, что старой эпохе, которая казалась вечной и бесконечной, пришла пора уходить на тот свет не только в лице правительственных учреждений, но и в лице ее вольных или невольных представителей (среди моих знакомых, кстати, чаще почему то попадались невольные).

И вот оказывается, что один знаменитый академик был кавалеристом дивизии Червоного Казачества, другой не менее замечательный - создавал не только мирные лекарства от болезней, но и мирную атомную бомбу, а третий - не академик а профессор, потому что жил не в Москве а в Питере (где все московские звания надо уменьшить на два чтобы понять какого это масштаба человек, точно так же, как чтобы понять, какому нашему званию соответствует американский майор, надо его звание на три звездочки увеличить), награжден орденом Героя Советского Союза посмертно, и ему очень повезло, что его не лишили одного ордена, когда выяснилось, что он оказался самовольно жив.

Проблема самовольно живых при советской власти стояла, между прочим, ребром каких мало. Нет человека - нет проблемы - это, конечно, афоризм товарища Сталина на все века. Но все таки доминирование правила, что бытие определяет сознание, а сознательность определяется небытием - в то время торжествовало особенно генерально. Выжившие Панфиловцы, которые, согласно газете Правда, все как один погибли за Родину, имели (согласно публикации в той же Правде, но лет сорок спустя) массу проблем с пенсиями, жилплощадью и даже льготными проездными билетами, потому что были в числе прочих павших смертью храбрых увековечены на памятнике отдавших Жизнь за родину, и их мелочное по сравнению с величием их смерти мельтешение среди нас в это бессмертие не вписывалось.

В связи с этим прогрессивным стиранием грани между живыми и мертвыми, мне почему то пришел в голову не ктонибудь там в заоблачных коммунистических высях, а мой дедушка, беспартийный, 1897 года рождения, а что касается национальности она же вероисповедание то сами понимаете кто. И это тем более логично в свете бытия небытия обозначенного ранее (и сильно упрощает повествование), что его, всеми любимого и дорогого. уже двадцать лет как нет на этом свете в живых.

Дедушка мой, между прочим, был человек простой и непростой одновременно. Достаточно сказать, что в первую мировую войну он стал полным Георгиевским Кавалером. Одним из немногих евреев, которым генералы теоретически должны были отдавать честь, если бы повстречались с дедушкой гденибудь на приеме у Князя Юсупова или в Государственной Думе. Но, согласно семейным рассказам, с генералами у дедушки встречи как то не складывались, и эта теоретическая дань уважения до революции оставалась на бумаге, а после нее вообще отпала, как совершенно ясно и из здравого смысла, и из дальнейшего.

Четвертую Звезду - то есть что я говорю такое, старый осел - крест, конечно -

кстати сказать, моему дедушке и при царе Николае Александровиче, эпоха которого кажется сейчас чуть ли не раем, потому что при нем страной не заправляли ни новые русские, ни большевики, давать долго не хотели. Но когда мой, невысокий кстати сказать, дедушка, с магиндовидом, надо полагать, на груди, вынес с поля боя на себе какого-то очень высокого религиозного чина: чуть ли не самого Распутина или митрополита, и к тому же не только здорового, но и тяжеленного (то есть не упомянутых выше особ лично, конечно, а какую то шишку из их непосредственного незаурядного окружения) тот, едва выйдя из комы, добился, чтобы дедушке дали четвертый крест. И его таки дали. Но ненадолго. Потому что тут бабахнула Аврора - и дедушку призвали совсем в противоположную армию. Где он тоже был каким то удальцом и удостоился каких то на этот раз звезд. Хотя кажется, и не на грудь, а в петлицы, но все таки. Но носить кресты было дедушке было уже неуместно, причем уже не по той причине, что до семнадцатого года, а по другой, в некотором смысле противоположной, о которой я думаю, вы тоже догадываетесь.

От полного дедушкиного георгиевского королевства сохранилась только фотография, которая украшает его могилу (и, чтобы не сглазить, охраняла его от всех погромов на кладбище, когда памятники вокруг были разбиты невесть откуда взявшимися в Советском Союзе антисемитами - его маленький стоял, как замороженный) Свои золотые георгиевские кресты в двадцатых годах дедушка своими умелыми руками - сначала расщепил на куски щипцами, а потом расплавил, так что его молодецкая удаль за царя батюшку стала совершенно бесформенной и недоказуемой. Потому как фотография с георгиевскими крестами, как вы понимаете, не на стенке висела.

Но шли годы – куда им деваться? И наступает великая отечественная война. И мой дедушка в первый рядах добровольцев идет на фронт. И их, конечно, тут же всем полком окружают. И дедушка выводит из окружения всех оставшихся в живых как единственный по настоящему понимающий, как драться с врагами. И по дороге они уничтожают невероятную прорву фашистов. И дедушка как обычно один остается всех прикрывать. И он так надежно их всех прикрыл, что таки они выжили в этом аду и пришли к своим – я имею в виду, к советским окопам. И дедушку, не смотря на пятно в его биографии, а точнее, в паспорте, посмертно представляют к званию Героя Советского Союза. Потому что смерть смертью храбрых перевешивает национальность, как перевешивал ее титул академика или народного артиста Советского Союза - но не меньше.

Но дедушке и тут повезло и не повезло одновременно. Он выжил и вышел к нашим. Причем со всеми документами и в форме - хотя и тяжело раненый – не подкопаешься. В чем же тут невезение? – спросите вы. А в том, что материализовался он из павших героев слишком быстро. Когда ореол славы еще не успел сгуститься в бессмертный нимб. Так что то, что дедушка жив, обнаружилось еще до того, как приказ о присвоении ему звания Героя Советского Союза посмертно было подписано верховным главнокомандующим. Что сделало бы смерть дедушки величественной и необратимой – причем на века. И тут как на грех приходит дедушка во плоти и крови и материализуется раньше времени, когда представление к награде еще болтается между штабами дивизии и фронта. Тут вдруг кто то оклемавшись начал соображать, потом кто то спохватился и ниточка

ведущая от бабушки в советские небеса была своевременно порвана. Так что еще неизвестно, повезло бабушке или наоборот. Потому что подвиг бабушки вместе с довеском павшего смертью храбрых перевешивал пятый пункт в паспорте, а без смерти храбрых подвиг против пятой графы на весах не тянул.

С одной стороны, он мог бы оказаться в книге еврейского Гинеса (хотя тот, который и есть Гинес прославившийся книгой наших рекордов, судя по фамилии возможно, наш человек без всяких эпитетов) как полный Георгиевский Кавалер и герой Советского Союза одновременно. И с той же чаши весов, жизнь бабушки как героя Советского Союза, а заодно и нас, его прямых потомков, могла бы стать неизмеримо почетней и легче. Но с другой, это еще как сказать, потому что тот факт, что он, награжденный посмертно, оказался живым, несомненно, привлекло бы пристальное внимание компетентных в нем и всех нас органов - причем компетентных не только тогда, но и по сей день.

Так что уж не знаю что и сказать по поводу этой стершейся грани между жизнью и смертью. Пожалуй что, сказать мне на этот счет нечего. Так что лучше и не начинать.

Одно ясно: ни как русский дворянин (как старший сын старшего сына полного георгиевского кавалера, за что полагалось, сами понимаете, дворянство – и, кажется опять полагается), ни как внук героя Советского Союза, вошедшего в скрижали и летописи, я так и не состоялся.

Ну и как вам импровизация? - к сожалению, недалекая. Я имею в виду от правды.

А за совет прочитать биографию натана спасибо. Если пришлете его телефон, буду признателен.

Обнимаю астральным объятием. Ю.Б.М.

МОИ АСТРАЛЬНЫЕ ТРОЙНИКИ

13 Января 2001 г. Первый старый новый год новой эры. 4 часа дня по Нью Йоркскому полночь по московскому

Вчера на Юбилее Эха Москвы по НТВ выступал твой двойник – сказала мне милая экс-москвичка Инна.

Какой еще двойник?

- Виктор Шендерович. Очаровательная, кстати сказать, умница.
- Что ж, - говорю – это не оскорбление, это пожалуй, скорее комплимент. А могу я спросить тебя, в каком это отношении этот великий человек является моим двойником?

- Как в каком? Во первых по внешности, во вторых вообще. И в третьих, по складу, можно сказать, ума.
- Ну разве что по складу, - согласился я. – Если по складу, то это еще хоть как то правдоподобно. Спасибо за склад.

И поглядев в зеркало, предался воспоминаниям. И вспомнил, что за мою средней продолжительности жизнь меня сравнивали с тремя и только тремя людьми. Это не похвальба, это скорее самоуничижение. Потому что кто они и кто я? Они великие люди, а я сами понимаете, дерьмо собачье. И тем не менее, приятно вспомнить, кто были эти трое, с кем у тебя в разные периоды твоей жизнедеятельности тебя сопоставляли. Один – помянутый выше Виктор Шендерович. Второй – простите, Михаил Жванецкий. И третий ... ни за что не догадаетесь... Кто сказал ну не с Пушкиным же? Именно с ним! С Александром Сергеевичем. А вот и не вру, а вот и не вру! Я вообще не вру кроме как женщинам и начальству. То есть вы считаете, что этого не может быть? И даже в этом уверены? И готовы спорить на коньяк что этого не было? Положим, разрешить спор о том, что было и чего не было может только господь Бог. Однако поспорить готов. На коньяк. Если после того, как я расскажу вам, кто и когда сравнил меня с пушкиным, и вы скажете, что это вранье и быть такого не могло, коньяк за мной, Во всех остальных случаях. Вы идете вон в тот магазин и ставите вот на этот стол сами понимаете что. Условия принимаются? По рукам? Заметано.

А теперь попробуйте меня не перебивать хотя бы минуты три, как это вам ни трудно, если судить по вашему темпераменту.

Дело было на заре моей юности. В то время у меня, помимо пылкого воображения и света в очах было еще одно достоинство: курчавая шевелюра, при попытке расчесать которую были обломаны не одни зубы – я имею в виду зубы расчески. Был я такой смуглый, веселый, расслабленный, никогда не рассказывающий анекдотов по причине придумывания их, сплошной поток сознания и ни капли желчи. И вот однажды занесло меня автостопом в Пушкинские Горы. Добрался я до турбазы, кое-как устроился в каком то домике (может официально, а может просто у девочек, которые – о, добрыу русские души! - в любом конце россии не оставить на улице симпатичного молодого человек всегда готовы, как юные пионерки: теперь это действительно установить трудно, ибо многократно было как то, так и другое.

Тут темнеть стало, и направил я стопы в гору, в трегорское напрямки, прчем (интересна деталь, которую ни к селу ни к городу всплыла из памяти) навстречу мне с холма на меня ринулся несущееся галопос стадо овец. Но не сокрушило, а резко тормозя в двух шагах от меня, со свистом пронеслось вниз и вдаль, и я еще подумал, что это большое счастье, когда овцы что овцы следуют за бараном, ибо предоставленные самим себе со страху могли бы кое чего натворить). Быстро темнело. Краски над прудом принимали глубокий колорит картин Коро, неумолимо приближаясь к нему. Я пошел дальше, и вышел на берег речки, прямо к скамье онегина, на который сидели две какие то (как мне тогда казалось, старушки, хотя, наверно им было всего то лет по пятьдесят) и, передавая томик Пушкина из рук в руки, декламировали первую главу Онегина. Постояв за их спинами и войдя в атмосферу, я воспользовался паузой, наступившей при передаче книги из рук в руки, и прочел следующие четыре строки по памяти. Дамы

Пушкина? А помните, на что мы спорили? Вот вот. Так что дуйте за коньяком. А закуску уж я сам какнибудь сварганю.

ГЛЯДЯ ИЗ БРАЙТОНА

Политическое обозрение за первый месяц тысячелетия

Внимательно обзревая мир из этого эпицентра, я, окровенно говоря, в последнее время не нахожу в нем ничего хорошего.

Циля Львовна, Наша Политическая Обозревательница

ГЛЯДЯ ИЗ БРАЙТОНА

Политическое обозрение за последнюю декаду тысячелетия

Как я заметила, Америка и Россия сошли с ума от одного и того же слова из трех букв с точностью до наоборот. То есть буквально от одних и тех же трех букв, только немножечко поставленных с ног на голову. Америка сошла с ума от WWW, а Русские ошизели на МММ. Это произошло так повсеместно и так одновременно, что без руки бога тут вряд ли обошлось. Я в этом даже ни на минуточку не сомневаюсь.

Циля Львовна, Наша политическая обозревательница

Две Головы и Два Бюстгальтера *ЕВРЕЙСКО-СОВЕТСКАЯ САГА*

Детям до шестнадцати лет и старше
читать запрещается

Каждый советский гражданин, который хоть чем-то интересуется в жизни кроме прожиточного и пропиточного минимума, слышал историю о Ленине с двумя кепочками. Одной кепочкой, зажатой в канонически простертой вперед руке (хотя трактовка того, почему звать народ к новым свершениям вождю надо было с зажатым в ладонь головным убором и непокрытой, как в церкви, головой, довольно туманна) и второй кепочкой, прикрывающей лысину вождя революции в любое время года и любую погоду, словно он только что вышел из синагоги¹. Владимир Ильич с двумя кепочками был явлен миру, как установило следствие, не по замыслу диссидентствующего скульптора, который мог бы попытаться молча выразить этим двуединым символом, что Ленин видел далеко, на много лет

---

¹ Ленин, находящийся в помещении в кепочке, будь то школа, птицефабрика или коридоры Кремля, неоднократно изумлял меня. Пожалуй наиболее революционно скульптура вождя выглядит в Петербургском Доме Ученых, где нашхождение в кепке между актовым залом с амурами на потолке и Дубовым Залом Дома Ученых (названием, которое многозначительно говорит само за себя) смотрится как прямой вызов всякому этикету Кроме, конечно, еврейского и пролетарского.

вперед и ни секундой ближе, или наоборот: что вождь пролетарской революции, признавая существование и христианской, и иудейской религий, в то же время возвышался над ними обеими, будучи так сказать атеистическим Авраамом, а будто бы совершенно случайно. То есть не по злему умыслу, а по исконно русскому распи... да да, этому самому. И связано было удвоение кепочки не с (опять таки исконно русским) удвоением всего на свете после второй бутылки, а с тем, что в ночь перед открытием памятника Вождю Революции в какой-то нерусской республике монументу снесли голову враждебно настроенные к советской власти хулиганствующие националистические элементы. Но, поскольку в СССР будущее было предусмотрено и продумано до мельчайших деталей, из центра в ту же ночь реактивным истребителем сверхсрочно прислали новую голову Владимира Ильича, в полном соответствии с габаритами изувеченного монумента и подходящую к туловищу Ленина без головы так точно, словно она была не запасная, а родная, та самая, с которой он родился и вырос. Из военного аэропорта голову вождя к главной площади злополучного города аккуратно, как Юдифь голову Олоферна, доставили на специальном транспорте специально обученные этому люди. И московский скульптор, вместе с с пособниками из местных, во тьме кромешной ночи (чтобы не возбуждать нездорового ажиотажа у местного населения к особо ответственной реставрационной работе) водрузил на великие плечи новые шею и голову. И зашил швы между ними раствором с секретным составом, как заправский хирург. После чего новая голова вечно живого вождя слилась с его металлическими плечами, словно была на них испокон века и засияла, как старая. Однако: не смотря на всю эту блестяще организованную и еще более блестяще осуществленную операцию над основоположником ленинизма, наутро при свете дня и прожекторов во время торжественного открытия памятника вечно живому вождю обнаружилось незапланированное несоответствие. Закрывающееся в том, что у бронзового Ленина оказались ... нет не две головы, как могли бы вообразить монархисты, вдохновленные недавним восстановлением герба Российской Империи, которую великий вождь своими идеями в то время разрушил, как всему миру казалось до основания, а всего лишь две кепочки. Одна кепочка в руке и еще одна кепочка на голове. Потому что, как показало расследование, проведенное

компетентными органами, в результате чьего-то преступного головотяпства голову и примыкавшую к ней шею из Центрального Центра прислали образцовую, подходящую габаритами к туловищу до миллиметра. Но только не к тому туловищу! То есть: из Москвы была прислана не непокрытая ничем - ни кепкой, ни волосами - голова Ленина прототипа номер один, с рукой протянутой вместе с зажатой в ней кепкой вперед, дабы указать населению дорогу в сизую даль, куда ему надлежит стремиться – а голова к прототипу вождя номер два, с кепкой на голове и рукой, засунутой между пуговицами жилета, как бы застигнутой посреди пламенной речи трибуна светлого будущего, частью которого являемся мы все, причем по сей день.

Другими словами, в результате чьей-то преступной халатности со склада запчастей к телу вождя была взята деталь другого шаблона, хотя и подходящая по всем остальным показателям.

Впрочем, к чему повторять то, что и без меня известно каждому встречному и поперечному? Теперь, конечно, когда пинать вождя революции стало таким же правилом хорошего тона, как пятнадцать лет назад петь ему литургии, за право именоваться тем самым городом, в котором бронзовый Ильич имел две кепочки, спорят целых семь автономных республик, как некогда за право быть родиной Гомера спорили семь городов. Историю о Ленине с двумя кепочками теперь знают все. Потому что она стала частью нашей истории, написанной, как известно, пером, а не топором, хотя и топором тоже. А вот историю о женщинах с двумя лифчиками знает пока не всякий. Хотя, если задуматься, эти два события имеют между собой много общего. Ибо второе есть логическое следствие первого. И шансы войти в историю у них тоже приблизительно одинаковые. Хотя, разумеется, не в одну и ту же историю, а в разные.

Дело было в Вене. В жалкую гостиницу на окраине, в которую меня поселили, приехала следующая за нами партия. Не гостей и не зэков – еврейских эмигрантов всех национальностей. Почему всех национальностей? Потому что еврейская эмиграция определялась партией и правительством не по национальному, а по идеологическому принципу. Так что каждый, кто выражал пожелание эмигрировать из СССР, становился евреем. Присно и вовеки веков.

Слух о пополнении наших рядов разнесся по номерам мгновенно. Тем более, что группа прибыла не из какого нибудь Нарьянмара или Биробиджана, а из самого Питера, или, как его тогда называли, Ленинграда (через «е» с двумя точками, в честь другого великого Ильича, Леонида). Русско-еврейское население гостиницы, изнывавшее от вынужденного безделья, включая и меня в лице населения, высыпало в холл. И увидело картину, достойную кисти Репина. А может быть даже и самого Глазунова.

На улицах Вены в тот день, кстати сказать, стояла теплынь. Но несмотря на это, вся вновьприбывшая партия как один человек была одета ну очень не по сезону. То есть можно даже сказать что вопиюще и вызывающе не по сезону. Судите сами: на каждом так сказать еврее зачем-то было по две шубы или по меньшей мере по два пальто. По две андатровые шапки. По две пары штанов. По две пары носков. И далее всего по два, вплоть до абсолютной наготы. И все это богатство мокрые и потные до полного промокания всего и вся евреи и еврейки всех национальностей, населявших страну Советов, скидывали с себя одно за другим. Разоблачались, не стесняясь друг друга и друг подругу. Не прерывая процесс публичного саморазоблачения ни на мгновение. Не разбирая ни возраста, ни пола. Как сказал поэт, смешались в кучу. Но не кони и люди, а люди и их одежда. Причем обнаружилось, что на женщинах одето по два платья. И особенно почему-то обнаружилось на молодых. После чего под платьями у каждой еврейской эмигрантки – по мере саморазоблачения - последовательно обнаружились две комбинашки. Две пары колготок. Две пары лифчиков. И даже по две пары трусов, надетых друг на друга. Которые прибывшие в мир свободы и демократии гражданки самой социалистической страны в мире срывали с себя, нимало не стесняясь ни друг друга, ни друга подруга, очевидно по причине полного обезумевания от жары в одеждах не по сезону, которые они как надели на себя в аэропорту Пулково, так и не снимали с себя, включая таможду и самолет.

На мужчинах, тоже наверняка было одето что-то такое же нижнее и удвоенное. Вроде двойных кальсон. Но откровенно говоря, мой взгляд на раздевании братьев по полу почему-то застревал реже. И оно у меня отложилось в значительно меньших подробностях, чем бесплатный женский стриптиз, который между нами говоря, был первым стриптизм в моей жизни, который я видел воочию, и который был выставлен на всеобщее обозрение,

так сказать, на халяву. Хотя, говоря откровенно, какой это был стриптиз? Это был азохен вей, а не стриптиз.

Глядеть на евреев и примкнувшим к ним отщепенцев с славанской внешностью, я вам должу, было любо дорого, если конечно, смотреть под идейным углом. Потные, мокрые, с безумными глазами, сбившиеся в стадо... воистину «унтерменшен», наблюдение за которыми не может вызвать ничего, кроме омерзения: хуже, чем в зоопарке.

А теперь начинается самое главное: мы переходим к попытке попытаться понять, в чем было дело. Что собственно случилось и об чем речь, от которой в глазах двоится?

А то собственно произошло и об том речь, что правила на вывоз ручного багажа в городе Ленинграде вдруг были без предупреждения ужесточены. И вместо двух чемоданов по двадцать килограмм каждый, которые было разрешено вывозить счастливым вроде меня, прибывшему в Вену неделей раньше, пассажирам следующего рейса Ленинград-Вена разрешили вывезти только один.

Вот так. Прямо перед отлетом. И уплотняйся, как хочешь. Вывози, так сказать, все свое достояние, нажитое упорным трудом за всю жизнь, держась за него одной рукой. И умещай его в одном чемодане. Все свое носи с собой, как Диоген. И не чирикай. Такая вот гуманистическая философия.

Могу только позавидовать неповторимым эмоциям, испытанным теми, кто имел счастье наблюдать ими же организованный противоположный процесс: а именно массового спешного раздевания женщин в аэропорту Пулково с последующим надеванием на себя того же двойном количестве. Тут вам и патриотизм, тут вам и садомозохизм, тут вам и марксизм, тут вам и эротизм, тут вам и гуманизм, тут вам и утонченный эстетизм – и еще тридцать три удовольствия. Куда там стрептиз. Это похлеще! Ведь не только глаз – душа радуется!!

Кому пришла идея ужесточения таможенного лимита, внезапно, как извержение Везувия, думаю, сейчас уже будет трудно установить. Сейчас от этой инициативы, конечно же, все работники ОВИРа, таможни и других доблестных органов почившей в бозе страны Советов, отрекутся, как простые советские люди отрекались от родственников за рубежом. Как и от самого факта удвоения лифчиков, который рыцари органов нашей тогдашней безопасности, наверняка, прочтя эту быль, обзовут

наветом и недружественной пропагандой, но который стоит у меня перед глазами так же ясно, как в эту минуту я вижу из окна Атлантический Океан.

Хотя тогда наверняка все было диаметрально наоборот. Тогда от этого изобретения ограничения числа чемоданчиков компетентные в нас органы не отрекались, а рапортовали о нем начальству как об очередном торжестве ленинских идей. И кто-то с этой повышенной бдительности поимел какуюнибудь очередную лычку на молодецкие плечи – такое развитие событий очень даже немаловероятно. А может и не на плечи. Может, прямо в карман, причем не от начальства а от самих как бы еврейских эмигрантов – врать не буду, потому что могу только смело предполагать. И если окажется, что этот кто-то сегодня сидит на Брайтоне, плечом к плечу с теми, кто, благодаря его усердию покидал свою советскую Родину в двух лифчиках и двух парах кальсон, и что этот самый кто-то получает досрочную пенсию – не как ветеран компетентных в нас органов, а как простой американский нервнобольной, я тоже не удивлюсь. Мы еще и не таких членов ЦК и членов президиума верховного совета в беженцах от советской власти видали!

А теперь, дорогие читатели и почитывательницы, давайте вернемся к началу нашего повествования и подумаем головами: связаны ли какимнибудь образом, пусть даже самым витиеватым, Вождь Революции с двумя кепочками и Еврейские Эмигрантки с двумя лифчиками? Не знаю, как вы, а я очень даже твердо стою на позитивном ответе.

Петя Мазлов
Соединенные Штаты Америки
Третье тысячелетие

РУКА НАРОДА

Памяти Изи Гершфельда

Так случилось, что брат моей мамы Изя Гершфельд женился на сестре Френка Синатры Советской Эстрады, не будем называть его имя всуе. И мои родители в один прекрасный день оказались в городе, в котором проживает Френк Синатра Советской Эстрады – в Баку. И пошли они в ресторан вшестером, с женой Френка Синатры Советской Эстрады, знаменитой певицей Большого театра Синявской, Изей и его неотразимой женой, именем которой Наргиз в Баку как раз было названо кафе. Такое вот приятное во всех отношениях совпадение.

Сидят три супружеские пары в ресторане, счастливые и молодые, прекрасно проводят время. Как вдруг подходит к столику какой-то бакинец с бутылкой коньяка, наливает Френку Синатра Советской Эстрады полный фужер и говорит: - Предлагаю выпить до дна за твои творческие успехи.

Френк Синатра Советской Эстрады, привыкший к подобным предложениям, прижимает правую руку к сердцу и говорит:

- Дорогой Бакинец – говорит он – ты конечно знаешь, как я уважаю бакинцев и наш родной город прекрасный Баку. И в лице всех бакинцев и нашего родного и замечательного города Баку я уважаю и тебя, дорогой Бакинец. Однако: если я буду пить с каждым Бакинцем которого я уважаю, по фужеру коньяка, я потеряю голос, и тогда Баку навсегда потеряет меня. Это однозначно. Поэтому позволь мне выразить тебе, дорогой Бакинец, и твоим друзьям-бакинцам, которых я уважаю так же, как и наш дорогой город и тебя в его лице, свое уважение не выпивая.

- Ах так? – разгневанно произнес Бакинец – В таком случае ты жопа.

Повернулся этим самым местом, которое только что было им упомянуто всуе, к столу и удалился, гневно покачивая им же.

Что тут поделаться? Слово произнесено, а оно, как известно не воробей. Запихнуть его назад в рот трудно. Более того: невозможно. Френк Синатра Советской Эстрады пожал плечами, и вскоре вся компания, забыв об этом неприятном моменте, возобновила питание, окределяющее, как известно, сознание.

Всему на свете приходит конец. Застолью, коньяку, нам с вами – и даже Изе Гершфельду, к сожалению. Но это было потом. А тогда, расплатившись, идут все шестеро к новому автомобилю Френка Синатры Советской Эстрады, не помню какой марки, но для достоверности назовем его Мерседесом, в очень приподнятом над землей настроении. Идут они, значит к Мерседесу, сияющему всем чем только может сиять творение рук человеческих, и видят, что на его сияющем до блеска боку что-то написано. Причем не интеллигентно, мелом, и даже не пальцем по пыли, как это принято у приличных людей, а нацарапано гвоздем. То есть грубо и по пролетарски, как учили классики марксизма-ленинизма. И по мере приближения надпись эта становится все более явственной и рельефной. И из отдельных корявых букв складываются два сакраментальных слова:

МУСЛИМ ЖОПА

Муслим Жопа

Френк Синатра Советской Эстрады (имя которого мы разгласили, так что теперь де-разгласить его уже трудно, и даже я бы сказал невозможно, поскольку слово не воробей и не ласточка) пришел, сами понимаете в ужас. И обратился к брату моей мамы Изе Гершфельду с речью. Почему с речью? Потому что дело происходило при Советской Власти. И каким бы всемогущим ни был Муслим, никто в Баку не мог организовать починку мерседеса Муслима с утра, кроме Изи Гершфельда. И это в то самое время, когда у него, Муслима, назначена встреча с какой-то делегацией, которую для законченности картины назовем правительственной. То есть совершенно никто. Кроме Изи Гершфельда, разумеется.

Что тут поделаешь? Изя, человек в Баку всемогущий, красавец и душа нараспашку, соглашается. И к утру Мерседес Френка Синатры Советской Эстрады Муслима сияет, как новый. И день проходит у всех участников встречи к всеобщему удовольствию. И на следующий вечер они опять идут в ресторан всей великолепной шестеркой. Не в тот же, конечно, что давеча, а какой то другой – для разнообразия. Но тоже где-то на мелеющем на глазах берегу Каспийского моря. И надо же было так случиться, чтобы за соседним столом опять оказался тот самый бакинец.

Ну тут, конечно, Френк Синатра Советской Эстрады Муслим, как истинный Бакинец, не ударил лицом в грязь. Он взял бутылку коньяка, подошел к соседнему столику, за которым сидели бакинец сотоварищи и сказал:

- Ну что же вы так, друзья моя бакинцы? Ну зачем же так резко и грубо? Вы знаете, как я уважаю наш родной Баку и вас его лице, но зачем же гвоздем по хрому? Неужели вы не знаете, как я уважаю Бакинцев, и наш родной город Баку? И чтобы доказать вам это, я сейчас налью вам всем вот этого марочного коньяка и выпью с вами до дна вот этот фужер.

Сказано-сделано. То есть я хотел сказать, сказано-выпито. Бакинец выпил с Муслимом на брудершафт, утер рот пальцами, разбил фужер, из которого он пил, об пол на счастье и сказал удовлетворенно:

- А ты, Муслим, не жопа.

Ну что тут поделать? Слово не воробей. А может быть, русский лексикон у этого бакинца был ограничен – не знаю. Так или иначе, Муслим Магомаев .... Ну вот мы и раскрыли фамилию Френка Синатры Советской Эстрады, так что скрывать ее долее не имеет никакого смысла... пожимает плечами. Что тут поделаешь? Слово произнесено, а оно, повторяю, не воробей. Запихнуть его назад в рот трудно. Более того: невозможно. Муслим Магомаев – а это был, как вы уже догадались, он а не какой то там Френк Синатра, пожал плечами, вернулся к своему столику, и великолепная шестерка, забыв о неприятном моменте, возобновила застолье.

Все му на свете приходит конец. Даже нам с вами. И вот, расплатившись, идет великосветская шестерня, включая моих папу и маму, а также Муслима Магомаева и Иziu Гершфельда с супругами, к новому автомобилю Френка Синатры Советской Эстрады, не помню какой марки, но для достоверности назовем его Мерседесом. Идут они, значит к Мерседесу Муслима Магомаева и видят, что на его сияющем боку опять что-то написано. Причем не интеллигентно, мелом, и даже не пальцем по пыли, как это принято у образованных людей, а грубо гвоздем. И по

мере приближения надпись эта становится все более явственной. И из букв складываются сакраментальные слова. Но на этот раз не два, а три:

МУСЛИМ НЕ ЖОПА

МУСЛИМ НЕ ЖОПА

Френк Синатра Советской Эстрады (имя и фамилию которого мы разгласили, так что теперь де-разгласить их уже трудно, и даже я бы сказал почти невозможно, поскольку слово не воробей и не ласточка) пришел, сами понимаете в ужас. И обратился к брату моей мамы Изе Гершфельду с той же просьбой, что и давеча. То есть залатать и закрасить крыло Мерседеса к утру. Потому что утром у него намечена встреча... честно говоря, не помню с кем, но для завершенности картины скажем что с Гейдаром Алиевым.

Однако на этот раз Изя был непреклонен. Слегка покачиваясь от выпитого, он проговорил исторические слова:

- Что там написано, говоришь? *Муслим не жопа*? Так это же хорошая характеристика! Положительная, Хоть в Америку подавай, хоть в Польшу: выпустят! Так что можешь ездить. Я разрешаю.

И что вы думаете? Гордость Советской Эстрады несколько дней ездила на Мерседесе, на капоте которого было размашисто написано гвоздем, кем она не является. И это продолжалось до тех пор, пока Изя не сжалился над деверем.. А может шурином? Короче говоря одним словом, Френком Синатрой Советской Эстрады. После чего новый автомобиль Муслима Магомаева, который для законченности картины мы назвали Мерседесом, в третий раз засиял, как новый. То есть за три дня эта зверюга в третий раз как бы обрела первую девственность.

Такая вот был о всемогущем еврейском богатыре из города Баку дяде Изе (да будет ему пухом Земля и все другие Миры). О Гордости Советской Эстрады Муслиме Магомаеве - прошу прощение за произнесене его имени всуе. О певице Синявской, Наргиз и моих папе и маме, которые в этой истории фигурируют как бы одним мраморным монолитом.

Что было то было. Из гимна без слов слова не выкинешь.

В Нью Йорке в организации, оказывающей помощь приезжающим евреям, очередь.

Евреи тревожатся, вскакивают и что-то пылко говорят секретарше, не говорящей по-русски. Та, привычная, ибо слышит эти выкрики ежедневно, улыбаясь говорит успокаивающе: take it easy, take it easy.

Услышав это, дремавшая на стуле еврейка проснулась, и в панике толкнула мужа в бок: ИЗЯ, ТЕБЯ!

Когда моя бабушка, уже тяжело больная всем на свете, лежала в больнице после третьего инфаркта и операции в кардиологии, ко мне в коридоре, не зная, что я - внук, подошла тетка, лежавшая на соседней койке с бабушкой и сообщила доверительным шепотом:

ОНА ХИТРАЯ КАК ВСЕ ЕВРЕИ. ОНА РАКОВАЯ БОЛЬНАЯ, А ЕЙ ПО БЛАТУ ПОСТАВИЛИ ДИАГНОЗ ИНФАРКТ!

ВЕЧНЫЙ ГОРОДОК

По приезде очередной группы эмигрантов в Город Рим избранные судьбой представители избранного народа были собраны на организационное собрание представителем помогающей уезжающим с Суперисторической Родины организации.

Завешив выступление, менеджер, навидавшийся и наслышавшийся всякого, говорит сангвинически, глядя куда-то вдаль:

"Господа Эмигранты. Собрание окончено. Я сказал вам все. Но если у вас не смотря на это остались еще вопросы, то задавайте. Обещаю терпеливо ответить."

Народ Библии безмолствует. И только один худосочный старичек лет пятидесяти пяти вдруг оживился, зажестичулировал всеми мышцами сразу включая мышцы лица, и спросил, сильно картавя:

- "Скажите, товагищ, и как же называется етот годок в котогый нас пгивезли?"

- "Этот городок называется Рим, - сангвинически ответил менеджер, твердо глядя куда-то вдаль.- Какие еще будут вопросы?"

Больше вопросов не было.

Петя Мазлтов

Глядя из Брайтона

Вечер

Первого Дня Хануки

Последнего Года

Второго Тысячелетия

После Рождества Христова

СУПЕРВЕРУЮЩИЙ

Интернационалист Иван Хаймович, наполовину русский наполовину тот, кто вы подумали с самого начала, твердой походкой шел в церковь крестить первенца. Завершив обряд которого (для надежности и в полной уверенности, что от перестраховки хуже никому пока не стало) служитель муз решил заскочить также и в синагогу и там на всякий случай сделать обрезание малышу – чтобы не ошибиться. После этих двух событий состоялось третье: нет, не намаз, как могли бы подумать самые интер-национальные из читающих – а выпивка по поводу двух первых. Непьющим и удивленным молодой отец объяснил свое интер-религиозное решение такими словами:

«Обрезание или крестины – дело десятое, лишь бы было кошерно.»

И перекрестился магиндовидом.

Три девицы под окном пили поздно вечерком, говорили о национальном вопросе внутри себя и искали на него правильный ответ.

Мы, люди двух культур, определяем будущее России и мира – сказала одна. – Вот я например: наполовину русская наполовину армянка. Лучше и придумать ничего нельзя! Если бы в паспорте сделали расширение графы национальность, и записывать не так чтобы или-или, а по честному: кого в ком и сколько, то стало бы ясно, что мы, многонациональные – то есть не где то там в дебрях идеологии, а внутри, в России давно уже составляем большинство.

- Самое идеальное – если бы найти такую же половинку как я: наполовину еврей-наполовину русский. – вздохнула вторая. – Есть у меня один на примете. Так пьет, зараза, как русский, а обрезан, как еврей. Нет чтобы наоборот! Но все равно: мы, половинки, особый народ. Если бы например, ввели бы такую национальность для половинок: евразия. Я бы не возражала.

- И я о том же мечтаю! – сказала третья. – Чтобы был бы такой же смешанной национальности, как я. Но вам то просто, вы фифтифифточки. А где мне найти такого, чтобы был на одну восьмую еврей, на четверть поляк, на шестнадцатую русский, на шестьдесят четвертую цыган, а на остальное казах? Тут три девицы одновременно вздохнули, поправили локоны и выпили по кружке того, что было в них заранее налито.

Еврейский Паровоз Москва-Тула-Москва

Вот вы сообразительные ребята, да? По лицу вижу, что, чтобы сообразать, вас учить не надо – сами кого хотите научите. Так попробуйте сообразить на спор: попробуйте представить себе ситуацию, при которой в поезд Москва-Тула-Москва, пассажиры садятся вечером, едут до Тулы, после чего паровоз перецепляют в хвост, ставший головой, и наутро пассажиры приезжают, не выходя из поезда, на тот же Тульский вокзал, и так каждый день, а пассажиры все те же?

Можете придумать такую фантазмагорическую ситуацию? Или слабо? Даю три попытки. Нет пассажиры не сбежали из сумасшедшего дома. Некоторые из них даже весьма уважаемые профессора. Нет, не из за отсутствия мест в гостиннице: в вытрезвителе, или к примеру, в отцепленном вагоне, они бы поспали дешевле. И не потому что в доме отопление выключили. Тогда ведь парового отопления не было, отключать было нечего и некому.

Сдаётся? Тогда помолчите хотя бы пять минут – хотя это для вас, судя по вашим смышленным еврейским лицам и непросто - и вы все поймете без дальнейших объяснений.

Дело было сто лет назад. То есть с расстояния в сто лет можно сказать, что с тех пор минул век. Но вблизи, конечно, можно ошибиться на пять-шесть, это в порядке вещей.

В один прекрасный Божий день для наведения порядка в своей Второй Столице и восстановления вертикали власти по родственной линии царь Николай Второй назначил градоначальником Москвы своего родственника, тоже Романова, не будем называть его светлейшее имя всуе.

А в то время в Москве уже был страшный беспорядок. Такой страшный, что и словами не передать. Короче говоря одним словом, как вы правильно догадались, в Москве в то время проживало слишком много евреев. А это нового градоначальника раздражило. Потому что было первым, что бросилось ему в голубые глаза. И наведение Большого Порядка он начал с малого. С того, что запретил евреям ночевать в Москве. То есть работать они могли – ради бога, никакого притеснения. И, ездить на конке – за милую душу. Мы же не какие-нибудь варвары, в самом деле. Как никак в просвещенную эпоху живем, по телеграфу донесения отстукиваем, электрические лампочки включаем, по телефону говорить умеем – все у нас как у взрослых. Все что угодно евреям дозволяется кроме одного: ночевать в Первопрестольной. А в остальном – все что угодно. Такая вот сошла на евреев верховная милость. Которая и в самом деле: по сравнению, например, с Птоломеем, пытавшихся растоптать евреев слонами, или с тем же Погромом в Кишиневе, имевшим место незадолго до этого и закончившийся пятьюдесятью тысячами недоживших до его окончания, в самом деле было относительно либеральной реформой. Хотя, конечно, не абсолютно либеральной. До абсолютного либерализма в России было еще, как до Петропавловска Камчатского.

Так или иначе, евреи начали быстро соображать. Это как это? У них дома, квартиры, дети, жены, как же не ночевать дома? Кого-кого, а евреев соображать учить не надо. Сами кого хочешь научат. Вчитавшись в указ повнимательнее, то есть надев очки, наши прадедушки обнаружили, что великий князь-градоначальник оказался либеральнее, чем он того хотел. Если вчитаться в букву указа по-еврейски, запрет ночевать в Москве, дабы не осквернять ее, распространялся только на евреев, то есть только на существ мужского пола. Ни о еврейках, ни о их детях прямо не говорилось ни слова. А раз так, то жить уже легче и веселее. Согласитесь: чтобы уяснить это, вздохнуть с облегчением и улыбнуться, надо было уже иметь за спиной как минимум хедер. А чтобы еще и околоточным растолковать трактовку постановления – тут надо ешиву кончить, и не одну. Хотя конечно, все равно, скажу я вам, азохен вей.

Так или иначе, проблема ночлега в Первопрестольной мужчин еврейской национальности, достигших 13 лет, оставалась. И решать ее надо было немедленно, то есть пока не стемнело. Как быть? Времени на раздумья в обрез.

В тот же вечер с заходом солнца в городе началось великое переселение Народа. Одни отцы семейств скрывались у православных соседей, будучи в случае чего – разумеется за мзду – готовыми выдать себя за прислугу. Другие – главным образом многодетные отцы семейств – отправились к проституткам, и за удвоенную плату за всю ночь спали, при условии, что их не будут тревожить. Нет, вы только представьте себе эти картины... Однако это решение вопроса помогло только в первые несколько ночей. Оно не было кардинальным. Спать не удавалось в любом случае, так как облавы следовали за облавами, и открупные с каждой ночью дорожали и дорожали. Надо было спешно соображать.

Но евреи были бы не евреями, если бы не нашли выхода. Они таки нашли его. И если вы помолчите еще пять минут, вы узнаете, как этот выход выглядел без дальнейших пояснений.

В то далекое время из Москвы во все стороны уже ходили поезда. И в тот же вечер пассажиры были несказанно удивлены, обнаружив, что все билеты на поезд Москва-Тула раскуплены. Причем на месяц вперед. И не кемнибудь, а евреями. Притом – и это самое поразительное – в оба конца. Причем не на какие-нибудь два разных дня, а на один и тот же. Более того: этот день оказался ночью. Потому что – надо же случиться такому совпадению! Поезд Тула-Москва отправлялся всего через полчаса после прибытия в Тулу поезда из Москвы, следующего далее. А поезд Тула-Москва приходил в Москву как раз засветло. Такое вот евреям было везение. И вы представьте на минуточку: это же кому-то должно было сначала прийти в голову, а потому уже вычислено. Хотя конечно, азовен вей.

И вот представьте себе Картину. Поезд Москва-Орел битком забит евреями, мгновенно засыпающими каждый на своей лавке. В Туле все дружно выскакивают из поезда, ждут встречного, садятся в него, и возвращаются в Москву на службу. Опять таки мгновенно валясь спать от усталости. И так день за днем, неделя за неделей.

И это все? – спросите вы. Нет, конечно. Евреи не были бы евреями, если бы они не усовершенствовали процесс пересадки. Какому-то гению пришла на ум великая мысль: если все равно на поезд скупаются все билеты в оба конца, то почему бы за те же деньги не купить дополнительный поезд, который ходил бы до Тулы, где паровоз перецепляли бы в новую голову? А еще лучше, если заплатить машинисту, чтобы он не торопился ехать назад, а катился бы себе потихонечку обратно, вроде современного поезда Красная Стрела, который, как известно является самым медленным из поездов Москва-Петербург, по той же причине: чтобы командировочные за дополнительную плату могли бы выспаться.

Сказано-сделано. Еврейский поезд-маятник ходил между Москвой и Тулой долгое время. Так долго, что стало казаться само собой разумеющимся и перестало кого-либо удивлять. Пока градоначальнику борьба с евреями временно не надоела и он занялся какими-то другими проблемами. О которых история (поскольку евреев она не касалась) умалчивает.

Ну как вам наша реальность? И не говорил ли я вам, что если вы помолчите всего каких-нибудь пять минут, то будете знать все, как если бы спорили до позднего вечера?

Отказник Абрам Раваилович, кандидат наук, усиленно изучавший талмуд и обучавший его тонкостям других, был вызван к секретарю парткома института. Который (несомненно, следуя указанию свыше) потребовал от него в доказательство лояльности родной коммунистической партии и стране, которая ее приютила (не смотря на подачу заявления о выезде из нее) вести занятия по научному атеизму. То что отказ вести такие занятия был бы поводом для увольнения, было само собой разумеющимся.

Сначала Абрам Рафаилович пришел в ужас. И решил для себя пойти по стопам своих праотцов, то есть пойти не на костер конечно, но работать кем угодно вплоть до кочегара газовой котельной – лишь бы не заниматься богохульством. Он долго бродил по городу Москве, пока вдруг не наступило просветление. О чем говорится в книжечке по научному атеизму? Что Христа не было. Что он не

воскрес. Что не было воскресения Авеля. И вообще ничего. То есть: не было всего того, что утверждает иудаизм. И точка зрения научных атеистов и праведных евреев на сей предмет чудесным образом совпадает.

И вот в течение нескольких лет надо было видеть эту картину: еврей Рафаил Рафаилович, под бдительным оком парткома, стукачей и КГБ, говорит русским людям, что их бога нет, и русское руководство удовлетворенно кивает.

То есть получался как бы диспут между иудеями и (как назвал их пушкин) потомками православных. При котором потомки православных по собственной воле и по своим правилам его затеявшие, не только не спорили, а удовлетворенно кивали.

Нарочно такого не придумашь. Такое придумать может только Бог. А к тому времени, когда партком, местком, КГБ и стукачи стали рьяными прихожанами, Абрам Рафаилович был уже далеко. И надобность в атеистической пропаганде отпала.

Так вот о чем я думаю: может это господь Бог всех людей улыбнулся с небес, чтобы уменьшить хотя бы немножечко, происки безбожия? И высекал огонь мысли и веры там, где его пытались задуть?

В начале двадцатого века в Городе Москва жило много Евреев. Сли

ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКЦЕНТ

1989 год. Мой первый визит на Брайтон. Отдаю, так сказать, первую дань. Захожу в первый же продуктовый магазин Белая Акация. Становлюсь в первую же очередь. И прошу первую же продавщицу:

- Простите, если Вас не затруднит, Вы не могли бы взвесить мне полпаунда российского сыра, предпочтительно не жирного?

Продавщица уставилась на меня, как могла бы уставиться корова на матодора, если бы выменитые особи женского полу были допущены к корриде наравне с быками-мужчинами. Замер и я под ее магнетическим взглядом. Очередь созерцала нашу скульптурную композицию, напоминающую ВЕЧНУЮ ВЕСНУ Родена с точностью до наоборот, как в музее.

Первой вышла из оцепенения работница русско-американского прилавка. Но, вместо того, чтобы дать мне то, о чем я ее попросил, крупногабаритная женщина раскрыла рот (из которого по магазину распространилось сияние) и спросила:

- Ты это откуда такой к нам приехал?
- Из Ленинграда. А что?
- Ммм... – промычала пышногрудая телица. – Так, значит, из Ленинграда.
- Питерский я, - подтвердил я.
- То-то слышу по-русски с акцентом ховОрышь! – резюмировала продавщица, сделав ударение в слове «говоришь» на втором слоге и произнеся Г как Х и И как Ы.
- В самом деле? – удивился я.
- А то нет? – подтвердила Королева Прилавка. – Но ты не переживай. Не биг дил. Только на ухо рэжэт – и все.
- И, окончательно выйдя из обледенения в свое обычное бойкое состояние, начала взвешивать кусок сыру. О чем, собственно, я ее и просил.

***ШТАТ В ШТАТЕ ИЛИ СТРАНА В СТРАНЕ

1989 год. Весенний Месяц Март. В магазине Интернационал (не путать с гимном России с 1917 по тысяча девятьсот сорок четвертый то год) что между первым и вторым и Брайтонами (а не между первой и второй Советскими, что в одну минуточку выпукло напоминает, что дело происходит не на нашей с вами Биологической Родине до смены советской власти на новую, еще более прогрессивную, а в штате Нью Йорк), очередь за чем то, что на нашей Биологической Родине, на которой меня персонально родили и зачали, как, впрочем, и вас, в то время было уже и еще дефицитным.

Меж представителей самой сверхдержавной из сверхдержав в Новом Свете, непосредственно передо мной, стоит престарелая супружеская пара аборигенов, то бишь американцев, родившихся в Америке, и по этой неуважительной причине не говорящих по русски. И манерами, и внешностью пара эта разительно отличается от окружающего ее местного населения. Даже молча. Когда же подошла ее очередь, контраст этот превратился ну в совершенно вопиющий. Англоязычная женщина что-то заворковала, энергично жестикулируя и указуя неопытными в языке жестов пальцами в направлении не то сыра, не то осетрины. Убедившись, однако, что и язык рук, и язык языка ее предков остаются непонятыми, леди вдруг прекратила щебет и произнесла четко и жестко, разделяя слова, как диктор Центрального телевидения, объявляющая Новый Год или начало войны: «Does anybody around understand English, please?»

Этот крик отчаявшейся души на непонятном наречии, прозвучавший, как «Аууу» в лесу или СОС в открытом море, так поразил присутствующих, что стало тихо.

Первой, как и положено спящей царевне при исполнении, очнулась продавщица. Прежде чем приступить к своим обязанностям и хотя бы попытаться понять, чего от нее требуют, она подмигнула Ее Величеству Очереди, уперлась упитанными руками в еще более упитанные бока и проговорила, зримо гордясь Одесским Произношением, как англичанин – Оксфордским:

«ИностГанцы!»

Мда... И о чем же говорит эта транснациональная притча? Да ни о чем. То есть абсолютно ни о чем, о чем стоило бы хотя бы минуточку посообразать. Разве что одна малочегозначащая безделица. О которой и упоминать то не стоит. А именно: из сказанного становится окончательно и бесповоротно очевидным и без того выпуклый факт, что Брайтон Бич не улица. И не район. Брайтон Бич это страна. Это штат в штате Нью Йорк. И «брайтонец» - это не просто какой-то там адрес в визитной карточке, а гражданство.

Но разве это и так не было очевидно, еще до того, как вы в первый раз воспользовались интернетом, русскоязычные дамы и господа?

ПЛОЩАДКА СОВЕТСКОГО МОЛОДНЯКА

Когда моему кузину Саше Вайнбургу было четыре годика, через окно веранды, выходящее на двор в Комарово (том самом дачном поселке под Ленинградом, который увековечен в шлягере, как в мраморе), его мама и моя тетя (Аня для тех дотошных чудаков кто все еще не потерял интерес к Правде Жизни) услышала Ужасное Слово. Под воздействием которого тетушка

выскочила на улицу, как пробка из бутылки,
подлетела к песочнице, как ласточка,
извлекла четырехлетнего Сашу из гущи товарищей, как львица,
притащила за ворот рубашки на веранду, как щенка,
плотно закрыла дверь и окно на крючок и защелку, как Простая Советская Мать,
и спросила строгим голосом, как старший товарищ:

- А Скажи ка мне, сыночек, кто сказал ЖИД? Только честно!

- Не знаю, мамочка, но во всяком случае не я. – безмятежно ответил кузин Саша, тоскливо глядя на играющих в песочнице друзей. – Ну честное слово не я!! – повторил еврейский мальчик. И почувствовав, что пальцы, держащие ворот, ослабли, вырвался и убежал к товарищам.

С тех пор товарищи выросли. И остались товарищами. Но кто произнес Это Ужасное Слово, так и осталось невыясненным. То есть кануло в лету – и сконцами.

Наташа пришла ко мне возбужденная.

- Ну и дураки в синагоге работают! Им главное сказать, что ты еврей. Они даже не проверяют – и все тебе дают: и еду, и одежду. В церкви ничего не дали. Говорят, много вас. А в синагоге дают! Пошли, девчата!!

БРОХА И БРОХА

В Австрии евреи на улице ходят в ермолках. В Италии же по выходе из Синагог, переодеваются в светское. Стараются не привлекать внимания. Боятся, наверное, чего-то.

Между тем евреи – единственные римляне, которые могут проследить свою родословную со времен Цезарей. И стоя под аркой Тита, на которой изображен триумф над нами, я думал о том, что Древнего Рима нет. И древних римлян нет. И цезарей нет. И Флавиев нет. И самого Тита нет. А я есть. И стою возле арки Тита Флавия, как свободный человек. И смотрю на изображение триумфа надо мной. И улыбаюсь чему-то.

С чего это я? Да так, ни к селу ни к городу. Раз уж пришло в голову – так не выбрасывать же в самом деле. Мысль все таки, не мусор.

Так вот: Когда в маленькой ортодоксальной синагоге на окраине Рима уяснили, что рядом живут сотни еврейских эмигрантов из России, которые едят полусгнившие фрукты брошенные торговцами на землю и экономят на масле из за того, что девяносто процентов пособия уходит на оплату жилья, и что многие из этих эмигрантов приходят на субботнюю службу: чтобы поесть после службы, столы, на которых раньше стояла пара бутылок вина и немного печенья, понемногу стали ломиться от (как нам казалось тогда) явств.

Слава о синагоге в которой кормят быстро разнеслась среди переселенцев. И вскоре в маленьком синагогальном зале по субботам был аншлаг, как в Большом Театре, когда танцевала Майя, сами понимаете, Плисецкая. Народ томясь в нетерпении, ожидая окончания молитвы, переговаривался, поправлял на головах береты и кепочки, перехихикивался и перекрикивался. Но всему на свете есть конец. Молитва закончилась. И тут люди ринулись к столам, сметая все на свете. Находящееся на столах стало исчезать неведомо куда с сказочной быстротой. Кошерное вино наливалось в стаканы, выпивалось залпом и опять наливалось и опять выпивалось. Народ книги наедался стремительно. Картина была достойная кисти Рубенса. Только вместо женоподобного Бахуса в центре стояли толстые еврейки, и не одна, а две. У каждой из которых грудь была размером с голову. Которые пришли, прекрасно экипированными и в отличие от тех, кто честно пытался еду съесть, запихивали ее в принесенные с собой сумки. Что было намного быстрее и эффективнее.

Итальянские евреи во главе с габе (ибо синагога была такой маленькой, что в ней даже равина не было) в кипах и талесах, тщетно пытались пробиться к столу. Куда им! Наконец габе (староста если говорить по русски) кое как пробился сквозь ряды жующих и сметающих, и воздав руки к небу, прокричал громовым голосом: *Броха! Броха!*

Услышав этот мощный вопль, от которого могли бы рухнуть стены Иерихона, если бы они, а не термы Каракалы находились неподалеку, толстая

еврейка, рассовывавшая еду по карманам вздрогнула, и уцепилась за ручки авоськи, в которую ее еще более монументальная соседка укладывала халы и варенье. Та вздрогнула от негодования и уставилась на первую толстую.

- Ты чего, Софа? – спросила она выпучив глаза.
- Броха! Броха! – повторял тем временем габе, как испорченная пластинка вертящаяся на патефоне.
- Броха, Ты что, оглохла? Тебя! – прошептала первая толстая.
- Засекли? – переспросила Броха и огляделась в ужасе, прижав сумку к безразмерной груди.

Немая сцена...

НОВЫЙ АВРААМ

Жил был еврей. . Для того, чтобы никого не обидеть, дадим ему нейтральную фамилию Бурлюк. То есть с одной стороны он был как бы типичный еврей, но с другой стороны как бы не очень. Молодой человек не первой молодости. Получающий на службе за свои усилия свои сто двадцать. Жил и жил себе. Крутился, как мог. Пока в один прекрасный будень не пришло время ему паспорт менять. И когда гражданин Бурлюк получил пурпурную паспортину, он на некоторое время успокоился. Некоторое время его ничего не сверлило. Пока не пришла пора менять на работу. Где ему обещали сто тридцать пять и старшего инженера. А на большее Бурлюк между прочим и не рассчитывал. Причем пожизненно. И все как бы катилось в правильном направлении. Хотя на самом деле это только ему, Бурлюку, так казалось. Потому что внезапно вызывают его в новый отдел кадров. И спрашивают.

- Скажите, - спрашивают, Вы, извините какой национальности?
- Поблелел Бурлюк по привычке. Потому что он ведь, думает, вроде и не скрывал.
- Той самой, говорит невразумительно.
  - Вот и мы думали, что той самой. – обрывают его строго. – А какой все таки?
  - Тут Бурлюк совсем растерялся.
  - А что, говорит, разве у меня с этим вопросом неувязка? Да или нет?
  - Да в том то и дело что да. Вот, полюбуйтеься.

Смотрит Бурлюк и видит: в пятом пункте, в котором у него должно быть написано сами знаете что, написано вроде бы оно самое. Но не совсем. А именно в графе национальность в его, Бурлюка пурпурной паспортине, было написано непонятное слово: ЕРЕЙ.

То есть конечно, в паспортном столе секретарша, дуреха, у которой никого кроме мальчиков и мужиков в головке нет, букву пропустила. Это и ежу ясно. Но наш Берлюк отнесся к этому совершенно иначе. Ежу оно может быть и ясно. Но на то человека и называют разумным хомо сапиенсом, чтобы то, что ясно ежу, блохе и инфузории тувельке можно было переосмыслить, углубить и придать новый философский смысл. Забирает Бурлюк свой паспорт. Уходит из этого отдела кадров, чтобы больше в него никогда не возвратиться. А когда он на следующий день по объявлению пришел в отдел кадров на следующий день устраиваться начальником отдела, заполнив анкету, сказал, как бы между прочим: *Кстати, прошу обратить внимание, потому что многие невнимательные путают и*

неправильно воспринимают что у меня в пятом пункте анкетных данных записано.

- *А что там у вас такое особенное записано? – заинтересованно спросили кадровики. – Что вы русский, что ли? Или все таки еврей?*
- *Вот на это я и прошу вас обратить внимание во избежание недоразумений. Я не русский. И не еврей. Я ерей. Прошу вчитаться и принять к сведению.*
- *Да да, конечно, - сказали Бурлюку, вчитавшись. – Никаких недоразумений быть не может. Можете завтра прямо выходить на работу.*

И что вы думаете? Карьера у ерея Бурлюка, благодаря пропуску одной единственной буквы, покатила вверх, как сумасшедшая. Потому что голова и все прочее у нашего Бурлюка все таки были как у тех, у кого эта буква стояла. А тормозов, в смысле стеклянного потолка, в который упирается голова того, у которых в графе национальность на одну букву больше, не стало, словно этого потолка и не было.

Прошло время. Бурлюк женился – с кем не бывает? И у него, как и следовало, предположить появились дети – не без этого. И они что? Правильно. Как и сам Бурлюк были записаны ЕРЕЯМИ.

Тут подоспела перепись населения. И оказалось, что в Советском Союзе появился новый, ранее неизвестный малый народ: ЕРЕИ. И стало быть наш Бурлюк стал чем то вроде Авраама, пророкителя Народов. Или, по меньшей мере, Иакова, прародителя одного единственного народа, но зато того самого, с которым ереев не следует путать.

Годы шли. Один за другим, дружной чередой, как ишаки по горной тропе. Подоспела очередная перепись населения, на этот раз внеочередная. И при подведении ее итогов выяснилось, что один народ из Братской Семьи Народов, населяющих самую прогрессивную из сверхдержав, исчез. Испарился как не было, и его поиски через Красный крест и красную книгу оказались безуспешны. То есть, согласно переписи получалось, что в СССР есть вымерший малый народ. Что являлось заведомой ложью, антисоветской агитацией и происком империализма.

К счастью, результаты переписей, как и всех судьбоносных цифр, в Советском Союзе засекречены. Поэтому остался без внимания например, известный из хорошо информированного источника факт, что, согласно той же переписи, число замужних женщин в СССР на два миллиона больше чем женатых мужчин. Поэтому неизвестно какие меры были предприняты, чтобы возродить популяцию ереев в стране. Твердо известно одно: в СССР нет вымерших народов. Все как один на месте. Как на кладбище.

На фоне этой вечно оптимистической панорамы возникает другой, частный вопрос: что же такое внезапно стряслось с ереем Бурлюком и его прямыми потомками? Вы правильно догадались. Когда пробил час принимать судьбоносное решение, наш Бурлюк принес в паспортный, так сказать, стол не только паспорт, но и метрики своих предков до третьего колена включительно, в которых то, что полагается, было записано синим по белому. И после восстановления национальной и исторической справедливости немедленно уехал на историческую родину своих прежних предков.

О происхождении же ереев этнографы – если верить тому же хорошо информированному источнику - до сих пор спорят. Одни считают, что ереи всей

стаей спустились с отрогов Гималаев во времена Тамерлана, другие – что наоборот: ереи - то самое племя, которое нахлынуло на нас с передовым отрядом татаромонгольских агрессоров. Именно ереям Батый поручил собирать с нас дань и они по этой причине обрусели первым. Третья теория утверждает, что все было с точностью до наоборот, и что эти самые ереи до Рюрика поклонялись солнцу-ярилу так рьяно, что принимая христианство в Днепре, кричали: *Плыви Боже!* – известный из летописей факт, наконец то нашедший правильное историческое истолкование.

СУДЬБОНОСНАЯ ДРОЖЬ

Есть у меня Тетушка живущая в Белоруссии. По имени Фира. Неимоверной Начитанности женщина. И фамилия у нее соответствующая: Коган. Гордая как известно фамилия. Которая старше некоторых стран. И можно даже сказать, всех существующих свердержав сразу.

Фамилия то может и соответствующая, да жизнь к ней прилеплена несуразная. В смысле сами понимаете. И при всей своей начитанности единственным институтом в Белоруссии, в который в пятидесятые годы принимали без процентных норм, блата и денег (которых у Фирочки, сироты с 1937 года, отродясь не водилось) был ветеринарный. И она соответственно всю свою жизнь и молодость промоталась по колхозам и совхозам. Где у нее как-то само собой завелась дочка Маша. То есть если не от аиста, то как бы квадратно-гнездовым способом. И отец девочки оставался как бы за кадром. Но тем не менее в графе национальность у Маши было твердо написано: белоруска. Хотя впрочем сами понимаете: белоруска с фамилией Коган – это все таки слишком прозрачно. И если фамилию и национальность положить на чаши одних весов, то такая вопиющая фамилия все таки перевесит.

А годы летят. И пришла пора дочке Маше в институт поступать. А порядки в Белоруссии, надо вам сказать, за прошедшие со времен молодости ее мамы, десятилетия изменились мало. По крайней мере в этом самом жизнеопределяющем отношении. А девочке-чудачке, хочется не в ветеринарный, как маме, а в университет. Ей, видите ли хочется быть филологом. Такая у нее, видите ли, мечта. Она, видите ли, еще в школе без всяких репетиторов выучила пять иностранных языков, как родные – а об обоих родных и говорить нечего! Как быть? Думали они с мамой думали, и пошли на дрожь в руке.

Как это можно пойти на дрожь в руке? – спросите вы. А вот как. В паспортном отделе милиции в районе их проживания за писаря сидела девочка с каллиграфическим почерком. То есть с рукой, выведившей линии *твердо и уверенно как Рафаэль* (сравнение начальника отделения). Но конечно, работавшая вместе со своими талантами за гроши. И вот этой девочке с твердой рукой Рафаэля впервые в жизни была дана взятка. Пусть в виде шоколадки – но зато самая настоящая. А на следующий день еще одна взятка. А через неделю коробка конфет в особо крупных размерах. И за что взятка, спрашивается? Только за то, чтобы у девочки в нужном месте рука дрогнула. Мол, если рука дрогнет – это не преступление. И девочка дрогнула. Вместе с ее каллиграфической ручкой. А может не дрогнула, может сжалась – кто ее, ручку, теперь разберет? Так или иначе, когда ручка

каллиграфической девочки выводила один изгиб, она дрогнула, прежде чем пойти далее. С кем не бывает? Разве что с Рафаэлем, да и то сомневаюсь... Так или иначе, в результате легкой и почти незаметной глазу дрожи пера, вместо прописной буквы «г» получилась прописная буква «ч». Которые в рукописном тексте, как всем известно, отличаются лишь маленькой дрожью линии. Такой маленькой маленькой... И в результате дрожания ручки получилось не совсем чтобы Ч, и не совсем чтобы Г, а процентов на шестьдесят ч, и на остальное процентное меньшинство г. Однако в случае судебного разбирательства трактовка зигзага как как незначащего тоже не была исключена. Так что преступления в сущности не было. И в случае возбуждения уголовного дела, его трудно было бы доказать и легко от него отречься. Все эти мысли носились в головке каллиграфической девочки. А может и не носились – кто теперь их там теперь, по прошествии тридцати лет разберет? Что не помешало этой маленькой дрожи определить большую судьбу. И изменить в некотором смысле направление развития некоторых областей филологической науки. Потому с тех пор фамилия у тети Фириной дочки стала не еврейская: **Коган**, а самая что ни на есть белорусская: **Кочан!**

Так дрожь руки повлияла на судьбы истории. По крайней мере, в одной области этой истории. А что на одну судьбу одного человека, который, как известно, в нашей стране самое дорогое – это просто ну никакого сомнения.

СОБРАНИЕ НА ДОИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

Собрание Парткома, в повестке которого значился один вопрос: “К вопросу о выдаче характеристики инженеру Бреннеру в Израиль”, было открытым. Начальник отдела кадров, он же Секретарь Парторганизации, багровый от прогрессивной ненависти, спрашивает с идейными интонациями:

- **Это по какой такой причине вас от нас в Израиль потянуло и каким вражеским ветром, товарищ Михаил Абрамович Бреннер? Ну как доложите!**

Слово *Израиль* секретарь Парткома произнес, разумеется, с ударением на последнем слове, в полном соответствии с Фонетикой Партийного Языка.

- Я еду на историческую родину, - промямлил Михаил Абрамович, за всю жизнь не вступивший ни с кем ни и ни с чем ни в один конфликт: такой уж бесконфликтный он был человек.
- **А наша Доисторическая Родина вас уже не устраивает?** – гневно произнес

секретарь Парткома как-к-стене-припечатал. - **Наша Великая**

Доисторическая Родина, которая вас кормила и поила, как родная мать, уже тогда, когда о вашей исторической родине еще никто и слыхом не слыхивал, вас не устраивает?!?!

А потом вдруг сел резко и нанес резолюцию: «*В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТКАЗАТЬ*». От которой Михаила Абрамовича прижало к стене, как под воздействием урагана,

и вдавило в нее, словно вслед за порывом ветра его промокли невидимым пресс-папье.

- Да вы мне хоть какую дайте, - пролепетал Михаил Абрамович. И добавил, подумав, - пожалуйста...
- **Вы недостойны характеристики!** – сказал-как-отрезал кадровик, – **до характеристики таким как вы еще расти и расти.**
- И долго мне до нее расти? - расхрабрившись, спросил Михаил Абрамович.
- **Как минимум лет десять. А может, и жизни не хватит!** – жизнеутверждающе произнес Хозяин жизни, глядя сквозь все. После чего закрыл заседание, многозначительно надев фуражку и, чеканя шаг, выйдя вон.

ОТ КОГО ОНИ ЕДУТ?

Об одном Великом Дирижере Великого Филармонического Оркестра, который еще при жизни стал Нашим Национальным Достоянием, и – что не менее важно – так долго был Нашим Национальным Достоянием, что мог поволить себе говорить то, что думает (то есть не будем конечно идеализировать, что так уж прямо всегда, но когда промолчать было совершенно непорядочно; по крайней мере в узких кругах музыкальной интеллигенции ходили такие легенды), рассказывают, что в один прекрасный дождливый день (если верить виолончелистам и гобоисту его Заслуженного Коллектива, рассказавшим мне эту историю) Великого Старика вызвали на Высокий Ковер и спросили гневно:

- **Почему от вас уезжают, да еще в таком количестве?**

Вместо ответа дирижер, прямой, как дирижерская палочка, искренне удивился (потому что в то время он уже был таким великим, что мог позволить себе искренне удивляться; впрочем, не удивлюсь если на этот счет в какойнибудь компетентой инстанции было принято специальное постановление вроде *в порядке исключения и в целях дальнейшего повышения Звучания Заслуженного Филармонического Коллектива позволить Великому Старiku сохранять естественность чувств в смысле оставить его в покое и махнуть на него как на советского гражданина рукой*) и ответил вопросом на вопрос, приложив (если верить виолончелистам и гобоисту его Заслуженного Коллектива) правую руку сначала к груди, а потом, мягким жестом указав ею в направлении говорившего, обратив ладонь к небу:

- **Это от меня уезжают? Это от вас уезжают.**

И, воспользовавшись наступившей немой сценой, долгой и насыщенной, как (если верить виолончелистам и гобоисту Заслуженного Коллектива) пауза в *Петрушке* Стравинского, удалился с достоинством.

1979 г.

У НАС ЭТО НОРМАЛЬНО

Еврейский совет к началу нового тысячелетия не мне вам напоминать по какому календарю

Много лет назад (когда его первенец Филя еще не ходил в институт, а всего навсего под стол пешком) Художник Ю. (блестящий кстати сказать рассказчик, что у художников не так уж и часто, между прочим, встречается за редким исключением двух больших Д.: Дюрера и Дали) поведал мне по секрету, что искомый первенец плохо ест. То есть не просто плохо, а так никудышно, что возникли опасения, что авитоминоз может помешать его нормальному развитию как мальчика. И по этой причине художник Ю. и его тогдашняя нежно любимая жена (впоследствии оказавшаяся стервой) пошли на то, чтобы вызвать специалиста.

И что же вы думаете? Специалист таки пришел. И позвонил в дверь.

И когда ему ее открыли, он прежде всего закрыл почему-то раскрытый зонтик.

Потом тщательно вытер калоши о положенную для этого тряпку.

И только потом маленький человечек с брюшком следал шаг вперед, чтобы попытаться войти.

И все увидели, что не гномик, и не какойнибудь желтый Карлсон, а самый настоящий старый еврейский доктор, только очень похожий на Чарли-Чаплина.

Который для начала медленно поставил в угол свой зонтик.

Потом так же медленно снял перчатки и засунул их в карман своего старомодного пальто с каракулевым воротником.

Потом снял свое пальто не-по-сезону и повесил его на вешалку.

Потом снял калоши с красной подкладкой и аккуратно поставил их к стеночке.

Потом. взял за визит протянутую ему красенькую (десять рублей для тех кто забыл, что такое Советская Власть и что при ней почем было).

Потом снял шляпу, стряхнул с нее капли и аккуратно повесил на тот же самый крючок, что и пальто, с которого, между прочим, на пол тоже капал бахчисарайский фонтанчик.

Потом вошел в комнату, увешанную картинами, и сел на стул.

Потом долго-долго разговаривал о житье-бытье с родителями Филя, поглаживая брюшко.

Потом так же долго и внимательно говорил с самое Филей.

Потом опять с родителями.

Потом опять с пациентом.

И даже не выслушав больного ... то есть я имею в виду не то, что он говорит, а что у него в легких: то что лепетал беби, доктор как раз очень даже выслушал и перевыслушал – даже не выслушав больного, повторяю я, ничего не прописав и даже ничего не посоветовав для лечения, доктор перестал ласкать брюшко большими пальцами там, где заканчивается жилетка.

Уперся в колени ладонями.

Распрямил их с, как показалось (или послышалось?) художнику Ю. и его нежно любимой стерве – хрустом.

Встал.

И мало-помалу стал собираться уходить. То есть:

Надел калоши с красной подкладкой.

Потом надел на свою голову шляпу.

Потом снял с вешалки свое пальто не по сезону и тоже надел.

Потом вынул из кармана черные перчатки и долго натягивал их на каждый палец в отдельности.

Потом взял зонтик.

И, став опять похожим на Чарли-Чаплина, как солдат превращается в часового, вернувшись из временной самоволки, направился к двери.

Художник с нежно любимой женой переглянулись в недоумении. А потом еще раз – уже с раздражением. И в тот самый момент, когда дверь должна была захлопнуться окончательно, родители Фили переглянулись в третий раз, чувствуя, как в них закипает гнев, который, как сказал Гомер в переводе Гнедича, «в зарождении сладостней тихо ступающегося меду».

Входная же дверь – она же, между прочим, и выходная – между тем и в самом деле начала аккуратненько закрываться. И готова была уже было защелкнуться, как часовой готов к тому, чтобы поинтересоваться: *стой, кто идет!* когда закрытие внезапно остановилось, и в оставшейся щели ре-материализовались калоши и зонтик. А за ними и голова в шляпе. А сверх того - указательный палец в перчатке. Который распрямился и поднялся вверх, в то время как голова заговорила и произнесла:

-Да, между прочим, я кажется забил вам кое-что сказать. Еврейские дети до шести лет плохо едят. Это у нас нормально. Но вы не волнуйтесь. С годами у нас это проходит. И даже слишком проходит. И не только, кстати сказать, это. Так что не берите в голову и живите себе.

После чего дверь, опять стала закрываться, и закрывалась до тех пор, пока окончательно не защелкнулась на замок.

Так о чем это я? Ах да. О том, что совет старого еврейского доктора лучше любого консилиума. Причем на все времена. Поэтому: если вам кажется, что ваш еврейски ребенок не такой, как все. Что он какой то особенно необыкновенный. Что он необыкновенно плохо ест. Или необыкновенно играет на скрипочке. Или необыкновенно ставит шах и мат. Или необыкновенно не делает ничего. Не надо паниковать. Волновать и без того нервную систему. Звонить в скорую помощь и колокола. И вообще брать в еврейскую голову. Потому что с годами все это у наших детей проходит. И даже слишком проходит. А если чтонибудь и начинается, то совсем не то, чего боялись или хотели родители. Такой диагноз поставил старый еврейский доктор. А уж кто кто, а он знает.

30 декабря 2000 года. Шабес.

КАК МНОЙ ПИЛИЛИ

Когда я был маленький, я был очень способный. Настолько способнее сверстников, что меня ставили в пример другим детям. Особенно Наумчику. Мама которого прожужжала ему мной ну просто все уши. Причем по сорок раз в день. При любом моем самом маленьком достижении. Какойнибудь грамоте за игру на рояле. Или

дипломе на математической олимпиаде для школьников младших классов. Или даже просто за то, что я застегивал пальто на все пуговицы и завязывал меховую зимнюю шапку на бантик. И каждое назидание занудной мамы начиналось словами: *В ТВОИ ГОДЫ*. Этот рефрен в устах мамы Наумчика имел примерно такое же экзистенциальное значение, как у Катона Старшего известное на весь мир начало речи по любому поводу, в котором он раз за разом напоминал одно и то же, а именно что, по его мнению, Карфаген должен быть срочно разрушен. Так уж повезло Наумчику с мамой. Ну прямо не мама а Римский патрицей какая-то!

Наумчик долго терпел. Очень долго. По самым скромным подсчетам, лет шесть. Но наконец не выдержал. И когда мама Наумчика в сто тысяча первый раз завела уже было свое знаменитое: *В ТВОИ ГОДЫ*... Наумчик в первый раз в жизни ее перебил.

- **Мамочка, – сказал он – Между прочим, в твои годы Индира Ганди давно уже была премьер министром!**

... Больше Наумчика мной не пилили. Да кажется, и вообще никого. Нечем пилить, знаете ли. К сожалению.

.....

Борис Семенович

Быть разыгрывающим – дар. Не только в спортивных играх. И не только в лоторях, в которых в Советском Союзе разыгрывались отнюдь не выигрышы, а те, кто на них надеялся (название РОЗЫГРЫШ ДЕНЕЖНО ВЕЩЕВОЙ ЛОТОРЕИ недвусмысленно говорит само за себя).

Борис Семенович Боренбойм обладал даром разыгрывать окружающих. Не только первого Апреля, а круглый год. Те, кто подумал бы, что Боренбойм был какой-то местечковый хохмач, ошибается. Борис Семенович улыбался очень редко. И его крепкая фигура скорее напоминала глыбу, чем полыхающийся на ветру флаг. Откровенно говоря, он был всемогущим человеком. И не где нибудь, а в городе

трех Революций и одного Смольного. Был он директором крупнейшего овощного магазина города, расположенного на Невском. Жизнь свою прожил исключительно скромно. И руководящим принципом его магазина была честность. Если на кого-нибудь из продавцов поступала жалоба на обвес покупателя, его безжалостно выгоняли. Ларьки легендарного магазина стояли по всей Невской Перспективе – от Московского вокзала до Адмиралтейства. Продавцы в белоснежных фартуках торговали с утра до вечера. Исключительно за зарплату. И также за небольшую – если измерять деньги на вес – добавку к ней от Бориса Семеновича.

Вы спросите: как честный директор магазина мог существовать в Советском Союзе и не провороваться? – отвечаю: запросто. Пример – Борис Семенович. В магазин которого фрукты поступали эшелонами. И он продавал их, безжалостно отбрасывая гниль, честно, как и положено советскому труженику.

Был правда один маленький секрет. О котором сейчас уже все забыли. А именно: процент гнили фруктов в прибывающих эшелонах определялся на глазок компетентным в этом деле представителем. А кто может поручиться за точность в таком субъективном деле? И если этот глазок у эксперта свежести чуть-чуть сбивался, и ему казалось, что сгнивших фруктов в эшелоне не 4, а скажем шесть процентов, то кто может его в этом обвинить? В конце концов, что такое гниль и что такое свежесть вопрос философский. Так что, если умножить два процента разности на вес фруктов в каждом эшелоне, и на число эшелонов в течение года... Борис Семеновичу просто выгодно было быть честным. Он был бы прообразом будущего человека, если бы не фамилия. И организованная им система – прообраз будущих отношений, возникших в обществе, когда Бориса Семеновича в нем уже не было. А жаль! Его голова составила бы конкуренцию извилинам всем нам известного БАБА, можете не сомневаться.

ВЫМЕНИТАЯ КОРОВА

В магазине Борис Семеновича питался весь цвет петербурга. То есть конечно, не первый секретарь обкома, и не второй, но те кто под ними – за милую душу. У третьих и четвертых секретарей, как правило, приходили не сами жены – они присылали за фруктами шоферов и домработниц. А у номенклатуры пятого неба и ниже жены как правило лично снисходили на землю. И вот как-то звонит руководящая жена какого то бонзы с каких то там облаков и спрашивает этак по-светски, кокетливо, не знает ли Борис Семенович, где в Петербурге можно найти парное молоко прямо из под коровы? Ей дескать, только такое и надо для цвета лица, и за ценой она не постоит.

- **Ну и интуиция же у вас, Галина Федоровна! – изумился Баренбойм. – Да мне же завтра как раз корову привозят. Знаете где у нас черный ход в распределитель с улицы Марата? Приходите завтра к одиннадцати часам. Как раз первые сливки снимите.**
- **И много у вас будет молока? – спросила руководящая жена.**

- Она у меня рекордистка – сказал Борис Семенович. – Самую выменитую выбирал. Вот этими моими руками. Прямо из кремлевского распределителя. Телица из коллекции Леонида Ильича. Только вы пожалуйста с своим бидончиком приходите. А уж мы какнибудь в него нацедим.

И что вы думаете? Слава о всемогуществе Бориса Семеновича была столь велика, что на следующее утро во дворе выстроилась очередь жен начальников средней руки, с бидончиками в руках. Никто даже не усомнился.

Так они и стояли до обеда. Пока Борис Семенович, до того глядевший на очередь из окошка, не вышел к людям собственноручно.

- За чем стоим, граждане? Что дают? – поинтересовался он.
- Да вот, парное молоко, говорят, давать будут – сказала руководящая жена.
- Парное молоко олоко отменяется,- не моргнув глазом объявил Борис Семенович. – Корову срочно направили в Египет в качестве дара Президенту Насеру.

Самое удивительное, что ни одна сука не удивилась. Жены начальников постояли, постояли, и разошлись. Не в смысле скандала, а в смысле по своим номенклатурным домам.

ГРАНАТОВАЯ ВАННА

Жена некоего начальника ОБХСС, в шубе из голубого песца и шляпе из норки, счастливая от созерцания того, как Борис Семенович собственноручно выписывал ей дефицит на бланке, похожем на рецепт врача, спросила его дрожащим голосом, не знает ли он какогонибудь натурального средства от радикулита.

- Как же не знаю? Разумеется знаю – ответил Борис Семенович. – у меня ж тридцать лет опыта работы с фруктами.

И записывая, читал написанное им вслух:

В горячую ванну налить четыре бутылки шампанского, две бутылки коньяка и полфлакона духов Шанель. Потом мелко нарезать два килограмма бананов и выдавить семь гранатов. После чего лечь и терпеть. И так каждый день перед сном в течение месяца. Кроме среды и воскресенья.

После чего выдал рецепт страдальце. И забыл об этом инциденте. Вспомнил он о нем через месяц. При следующем посещении магазина руководящей дамой.

- Ах, Борис Семенович, какая же вы душка! – зашебетала дама.
- Да, я душка. – ответил Борис Семенович. – Это всем известно. Но все таки: почему вы так считаете?
- А как же! Я все делала согласно вашему рецепту.
- Какому рецепту?
- Насчет радикулита. Шампанское, коньяк, шанель, бананы и гранаты. Все дозировки как вы сказали – в точности отмеряла.
- Аааа...- вспомнил Борис Семенович. – Ну и как? Полегчало? Помогло?
- Еще как полегчало и помогло! Вы даже не представляете, как полегчало и помогло. Только... только..
- Что только? – спросил Борис Семенович.
- Только ванна не отмывается. – закончила бывшая Радикулитница. И запрыгала от удовольствия.

ВОЛГА С ВОЛГИ

Вера во всемогущество Бориса Семеновича была так велика, что просто не знала границ. Что будет ясно видно из следующего пассажа. Который поймут только те, кто жил при развитом социализме, и знают, что в Советском Союзе народ стоял в очереди за автомобилем в среднем лет пять. А чтобы получить лучшую из лучших – черную волгу, мечту начальства, - никакой жизни стоять не хватит.

А надо вам сказать что Борис Семенович любил не только свою работу. Он еще и в проферанс играть обожал. И память у него была дай бог каждому. Все помнил! Так вот: один подсевший на мизере на пять взяток директор завода не буду врать какого, ибо не помню, во время перекура, взятого им для успокоения, сознался, что ему позарез нужен Автомобиль Волга. Причем не какогонибудь цветного цвета, а цвета руководства страны советов – черная И спрашивает Б. не может ли он помочь с этим. Причем нимало не удивился странности вопроса, каким образом директор овощного магазина может помочь с машиной Волга.

Это надо же так по адресу спросить и так вовремя! – воскликнул Борис Семенович. – Мне в магазин как раз восемь Волг по разнарядке выделили. Из них четыре черных.

Тут директор завода начал уговаривать как бы сопротивляющегося Бориса Семеновича, и уговаривал до тех пор, пока не уломал. Борис семенович достал уже знакомую нам книжку, похожую на рецепты врача, и размахисто написал:

*ГЕРЕНАЛЬНОМУ ДИРЕКТОРУ ГОРЬКОВСКОГО
АВТОЗАВОДА
ОТ ЗАВЕДУЮЩЕГО ОВОЩНОГО МАГАЗИНА ЯБЛОНЬКА
БОРИС СЕМЕНОВИЧА БОРЕНБОЙМА.*

*Настоящим предлагаю Вам выделить машину Волга черного
цвета с повышенной проходимостью по бездорожью
подателю сего Петру Геннадьевичу Парфенову,
командированному за нею.
Об исполнении доложить.*

Искомый Парфенов, красный от счастья, расцеловал Бориса Семеновича в засос, хотя прежде не был замечен в поцелуях с евреями и беспартийными. И в тот же день поехал в Горький на скором поезде. Вернулся злой. И на вопрос заданный Борис Семеновичем при следующей встрече:

- Ну как? Дали? – отвечал горько.

- И он еще спрашивает.

И больше с Борис Семеновичем не проронил ни одного слова до самой смерти.

Жил был снабженец Коцап. То есть он, конечно был еврей, как все снабженцы, и имя у него было естественно, Ося, а фамилия Коцап. Твердая такая фамилия. Ну и сам Ося Коцап был мужчина лихой, как все снабженцы. Но, вопреки тому, что вы могли подумать, с громовым начальственным голосом.

И вот как то надо было нашему Кацапу лететь в Москву. У них там в москве заседание в министерстве было назначено для таких как он. А он закрутился. То есть не то чтобы снабжать кого-то дефицитными подшипниками, а от подушки оторвать головы не мог, которую делил любимой женщиной, с которой познакомился в тот же день на почве снабжения ее. А в москве, между прочим, совещание в министерстве. И вот кацап, поглядев на часы, понял, что дело безнадежное, и что даже если ехать со скоростью двести километров в час не останавливаясь на красный свет, он все равно опоздает на самолет.

Оставалась последняя надежда: на то, что самолет задерживается из за ленинградской погоды. Что в самом деле регулярно бывает. Поднимается Гальперин с подушки, находит в телефонной книге телефон дежурного по аэропорту, набирает номер и спрашивает начальственным голосом. Не потому, что он так хотел, а просто это у него было врожденное.

- Как там вылет рейса на москву в семь сорок? Случайно не задерживается?

- А почему он должен задерживаться? – спросил дежурный аэропорту тревожно.

- Потому что я задерживаюсь – сказал Гальперин, мало чего соображая.
  - А кто вы, простите? – спросил голос в трубке.
  - Коцап. – сказал коцап. И повесил трубку. Надел штаны и все прочее. Схватил портфель. Поймал такси. И помчался. Приезжает в Пулково – а самолет и впрямь не вылетел. Пассажиры уже в самолете – а самолет все не вылетает и не вылетает.
Сел Коцап на свое место в проходе. Ждет вылета. А его все нет и нет. Час нет, другой нет. Пассажиры, как советские люди, терпят. Собственно, они до бесконечности могли бы терпеть. Так были приучены. Но не таков был Коцап. Встал он и подошел к кабине пилотов, которая как раз была легкомысленно открыта. И спрашивает начальственным голосом.
  - А почему мы, собственно, не вылетаем?
  - Да ждем какого-то Кацапа – ответил первый пилот.
  - Я прибыл. Можно лететь. – сказал Кацап.
- И самолет начал вырывать на взлетную полосу.

Корова – выстроились за молоком
Волгу купить
От радикулита ванна не отмывается.
Она же подала заявление в израиль.

Процент гнили.

Веврик.

Глядя из Брайтона

ПЕРЕДОВИЦА

Дорогие дамы и их господа.
Уважаемые леди и их джентельмены.
Земляне и землянки.
Передовики и передовицы.
Бизнесмены и бизнесменки.
Коренные и пряхтяжные.
Евреи и еврейки всех национальностей, гражданств и вероисповеданий.
А также примкнувшие к нам сочувствующие, интересующиеся и просто примазавшиеся.

Я буду краток.
Добро пожаловать на Брайтон Бич!
В страну в стране и Новый Свет в Новом Свете!
Расположенную на берегу самого Атлантического океана в мире!
И к тому же рукой поддать от и до Метрополитен Опера (с ударением, разумеется на втором, а не первом слоге, как могли бы подумать жители какого-нибудь Дома на Набережной или Садового Кольца), если, конечно, вас не задержит в неудержимом движении к Манхеттену американская пробка.

Кто придумал и настойчиво убеждал из подвалов (не тех, что под крышами, а тех, что напечатаны черным по белому на газетных страницах), что Брайтон Бич нехорошее место, прошу прощения за упоминание всуе. Давайте лучше пораскинем серым веществом, которого у вас, как я догадываюсь, так много, что его можно было бы экспортировать в развитые во всех остальных отношениях страны на вес. Если бы вас спросили, например, про Рио Де Жанейро: район, непосредственно прилегающий к океану, с пляжами шириной с ширину футбольного поля, и морем, в котором можно купаться с ноября по май в свое удовольствие, должен быть дешевым или фешенебельным? Ответ очевиден даже трехлетней девочке.

А теперь тот же самый вопрос, только о Нью Йорке: район, прилегающий к Атлантическому побережью, с пляжами шириной с длину футбольного поля, и морем, в котором можно купаться с мая по ноябрь до полной нирваны, и ко всему тому еще и на расстоянии от Уолл Стрита таком недалеким, что рукой поддать, фешенебельный или завалящий? Ответ настолько очевиден, что я даже не буду на нем настаивать.

Дорогие Москвичи и Петербуржцы, Нижегородцы и Бийцы, Сывтыккарцы и Туляки. Давайте не будем бросать друг в друга стрелы и камни, тем более через океан. Давайте лучше помечтаем.

Давайте Представим себе что мы живем в Сочи.

В ста метрах от лазурного моря.

В котором на пляже не надо занимать место под солнцем на топчане, а ложись-не-хочу.

Где ресторанов больше, чем забегаловок.

Где не похищают в Чечню, не берут в армию, не забивают стрелок, не отстреливают бизнесменов и одиноких квартиросъемщиков, не обливают друг друга словами и жидкостями и не пьют до дна, потому что всего хоть залейся.

Где длинноногие женщины и пышногрудые девственницы могут совершенно невозмутимо гулять по ночам, а кавказцы, если таковые попадутся им на дороге, будут при этом приветственно махать издали рукой – и не дерзнут ни на что более вызывающее.

Где для того, чтобы послушать лучшую в мире оперу или мюзикл, надо всего лишь, держась за руль, сесть за руль. Или на худой конец (я имею в виду конец в фигуральном смысле) в метро, если после представления вам так уж захочется в порядке настальгии поддать.

Где никто не хватается за что попало и не тащит куда попадая, а терпеливо ждет, когда и чего они захотят сами,

И к тому же одни братья-евреи и никаких братков.

Можете вы вообразить себе в мечтах такой рай? А мы можем. Потому что мы в нем живем.

Не будем скрывать: район Брайтона был нами взят с боем. Во всех остальных отношениях и точках Америки всепобеждающее и боевитое население с темным цветом кожи, облюбовавшее его до нас, отступило под нашим натиском. Что исторически закономерно, дамы и (соответственно) господа, если вспомнить, какая страна нас взрастила и воспитала, и из какой школы жизни мы выходцы или (соответственно) выходки.

Так как же все таки повелось считать, что Брайтон – это район второго сорта? С чего это началось? Какой идиот это придумал? Отвечаю: вовсе даже не идиот, а тот (в этом месте я, с не свойственной мне сдержанностью, воздержусь от эпитета), кому в семидесятые годы *за-стоя* и *за-сидя* обязательно надо было убедить оставшееся население, что Брайтон вместе с его обитателями, они же изменники – место дурное, хотя, конечно, и злчное. И в этой агитации и пропаганде те, кому это тогда было поручено, надо отдать им должное – преуспели так основательно, что образ разлагающегося Брайтон Бича как эпицентра загнивания капитализма бессмертен аж до сих самых пор. Но жителям Брайтона, скажу я вам положу руку на сердце – я имею в виду не свое сердце, а сердце длинноногой белокурой подруги, сидящей от меня по правую руку – на это с Эмпайер Стейт Билдинга и по Медисон Авеню. Тем более, что те самые бойцы пера, которые поносили Брайтон и в хвост и в гриву до перестройки, сегодня до того перестроились, что пьют в брайтоновских ресторанах заздравные, произносят в его честь заздравницы, славят нашу многонациональную еврейскую общину во весь голос и вещают по американскому радио о преимуществах американского капитализма перед любой другой его версией.

Не могу удержаться от того, чтобы не поделиться еще одним знаменательным наблюдением. Путешествуя из Брайтон Бича за Пределы Нью Йорка, обязательно тянет чтонибудь приобести в подарок оставшимся. Однако, возвратившись домой

из какого-нибудь умопомрачительного далека, каждый раз обнаруживаешь – притом совершенно независимо от того, откуда вернулся – ровно три вещи: Первую – что дома можно купить это же самое. Вторую – дешевле. И третью – лучшего качества.

Так что, дорогие заокеанские друзья, не будьте подкидными дураками. Добро пожаловать к нам, на Брайтон Бич Божий! если не в плоти и крови, то хотя бы в качестве виртуального заморского гостя. В страну с самым колоритным русским языком двадцать первого века! Русскоязычную зону, где, говоря по русски что думаешь, не надо думать, что говоришь!
И к тому же единственное место на земле, где

русский и чеченец,
армянин и азербайджанец,
грузин и абхазец,
священник и мулла,
суфражистка и трансвестит,
рекетир и вегитарианец,
красный и белый,
зеленый и голубой

мирно уживаются не только друг с другом, но и с евреями

Дорогие дамы и их господа.
Уважаемые леди и их джентельмены.
Земляне и землянки.
Передовики и передовицы.
Бизнесмены и бизнесменки.
Коренные и пряхтяжные.
Евреи и еврейки всех национальностей, гражданств и вероисповеданий.
А также примкнувшие к нам сочувствующие, интересующиеся и просто примазавшиеся.
Виртуальный привет вам от Брайтон Бича!
Или, как говорят русско-японские самураи в Америке, БанЗайГезунд!

**Иван Хаймович
Брайтон Бич Божий**

Уголек любознательных

Знаете ли Вы:

Что Брайтон Бич – это звучит гордо!

Что Еврей – тоже человек?

Что Годовой Доход Брайтона и Российской Федерации в валовом исчислении в 1999 году шли голова в голову?

Что по количеству синагог на квадратный метр Брайтон Бич занимает первое место в мире, опережая такие развитые страны, как Израиль и США?

Что русские русские (и это то, с чем самым гордым из нас труднее всего смириться) составляют на Брайтоне подавляющее национальное русскоязычное меньшинство?

Что дисидент и его следователь,
отказник и его куратор,
политзаключенный и его надзиратель,
инакомыслящий и его секретарь парткома,
политический обозреватель и политический обосревател
в Америке получают одинаковое пособие по безработице?

Что русский человек на Брайтоне –

- Не национальность.
- Не вероисповедание.
- Не этническая принадлежность.
- Не политическое убеждение.
- Не факт биографии.
- И даже не диагноз.

Русский человек на Брайтоне – это судьба.

Петр Мазлов
Новогодняя Ночь Новой Эры
Не мне вам напоминать по какому календарю

Глядя из Брайтона
Политическое обозрение Века

Подводя итоги минувшего тысячелетия, надо прямо сказать: оно не прошло под знаком зодиака.

Хая Львовна, политическая обосревательница

Брайтон Бич Божий

Гимн Самой Междержавной из Сверхдержав

Здравица для народа с оркестром

Исполняется с молодецким присвистом

Невставшие при исполнении,
а также поющие текст в устаревших или неутвержденных редакциях
остракизму и эксгумации не подлежат

БИЧ – сокр.: Бывший Интеллигентный Человек.
Из толкового словаря советского жаргона.

Брайтон Бич гуляет.
Брайтон Бич пирует.
Брайтон Бич крепчает.
Брайтон Бич воркует.

На Брайтон биче есть бичи.
Они круты и горячи,
Они умеют жить. Хомить. И бить по роже.
Они умеют загулять -

И есть куда! Русь-Наша-Мать
(С приставкой экс) к нам сливки шлет –
И сливки с сливок тоже!

Как в Мекку, прет сюда Союз,
А Брайтон бич не дует в ус
На Пугачеву, как на дам игрок с тузами.
Снисходит Брайтон иногда
Лишь – сам видал, что да то да! –
До Членок Сборной Красоты
России-Мамы.

Брайтон Бич гуляет.
Брайтон Бич пирует.
Брайтон-бич крепчает.
Брайтон-бич воркует.

На Брайтон Биче – океан!
Едим икру, жуем банан
И пьем армянский коньячек когда хотим мы.
Доход Бича – прикинь в мозге –

Превысил кредит *эссен-ге*.
Москва и Брайтон Бич –
столицы-побратимы.

Ты Брайтон-бич. Я Брайтон бич.
Нам даже в тапочках Ильич
Уже не снится. Спится Брайтону привольно.
Сюда тянулась (сам видал)
Рука Москвы. Я квотер дал
Руке. Рука Москвы была
весьма довольна.

Брайтон-бич гуляет.
Брайтон-бич пирует.
Брайтон-бич крепчает.
Брайтон-бич воркует.

1989 г.

Гляд йтона

ГЛЯДЯ ИЗ БРАЙТОНА

Политическое обозрение за первый месяц тысячелетия

Внимательно обозревая мир из этого эпицентра, я, окровенно говоря, в последнее время не нахожу в нем ничего хорошего.

Циля Львовна, Наша Политическая Обозревательница

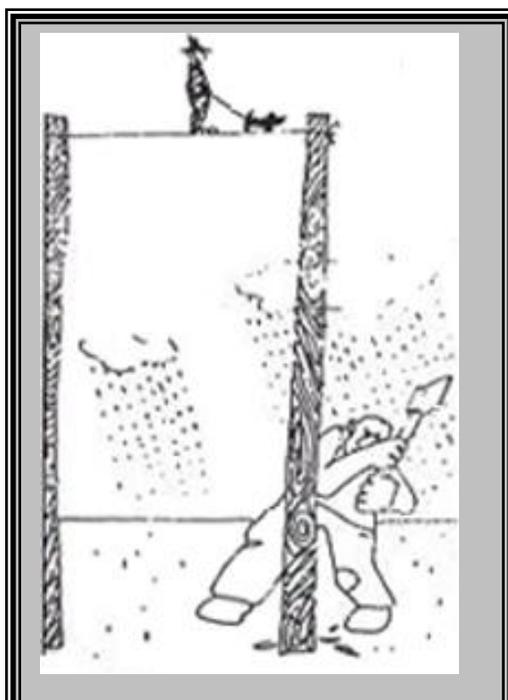
ГЛЯДЯ ИЗ БРАЙТОНА

Политическое обозрение за последнюю декаду тысячелетия

Как я заметила, Америка и Россия сошли с ума от одного и того же слова из трех букв с точностью до наоборот. То есть буквально от одних и тех же трех букв, только немножечко поставленных с ног на голову. Америка сошла с ума от WWW, а Русские ошизели на МММ. Это произошло так повсеместно и так одновременно, что без руки бога тут вряд ли обошлось. Я в этом даже ни на минуточку не сомневаюсь.

Циля Львовна, Наша политическая обозревательница

ЕВРЕЙСКИЙ ХОХОТ

Еврейские Были

Исход без Исхода

Еврейские Притчи

Речистые Былинники

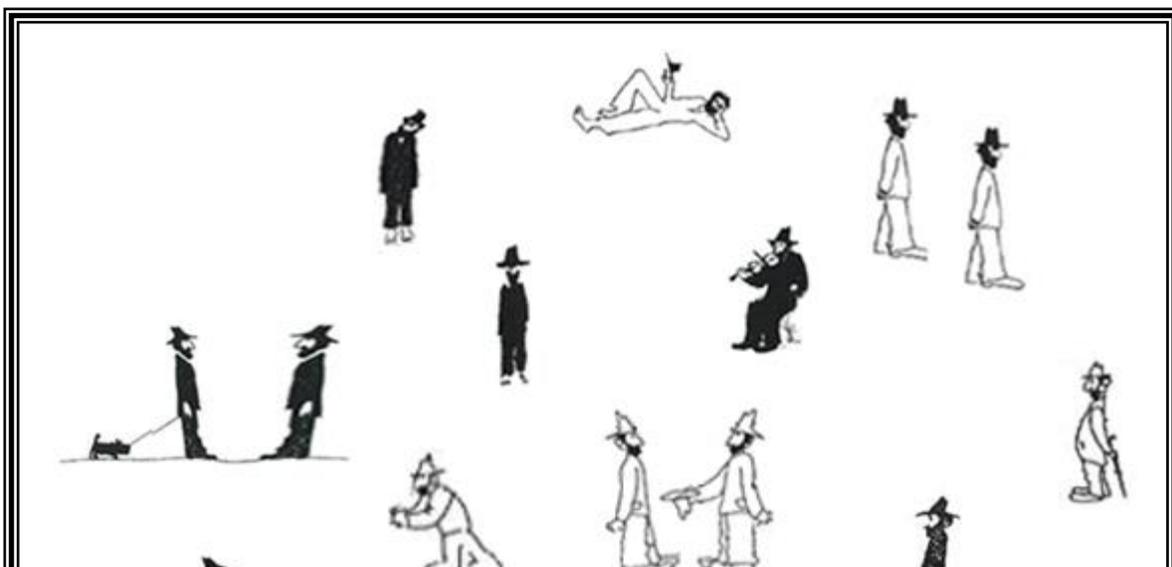
Песни и Оперы

Глядя из Брайтона

Глядя из Брайтона

Рупор
Столицы Мира

и ее окрестностей

Ответственный Редактор: Петр Мазлов
Безответственный Редактор: Иван Хаймович

Песня о Счастье

Быть

Советским

Евреем

Исполняется Стоя

Лицом к Москве

Хорошо быть Советским Евреем!

В Пейсах!

Шествуя!

Ханом!

Гиреем!

Некошерный рассол на закуску

В стаканы разливая по русски!

На мелуху и антисемитов

С острия Спасской Башни Плюя!

Не лизая зады паразитов.

Не стуча...!

Не юля...!!

Не кую...!!!

Хорошо быть евреем в субботу!

Дать

кипу

своему

обормоту

И до пота вколоть полседьмого

После солнца заката земного,

И, идя по стопам Мордухая,

Быть не вице, а быть во главе.

И, славянку под ивой кохая,

Пятый пункт

не держать

в голове.

Хорошо быть в ученом совете

И

студентом

в

университете

Без Москвы разрядки процентной.

Не страдая отрыжкой газетной,

Не торча в Русском поле пыреем.

В Красный Рай не ходя по струне...

Хорошо быть Советским евреем!

Хорошо

БЫТЬ

Советским

евреем!

Хорошо

БЫТЬ

Советским

Евреем!

- если ты не в Советской стране.

1986 г.
Санкт-Ленинград.
Пятница.

Брайтон Бич Божий

БИЧ – сокр.: Бывший Интеллигентный Человек.
Из толкового словаря советского жаргона.

Исполняется с молодецким присвистом

Брайтон Бич гуляет.
Брайтон Бич пирует.
Брайтон Бич стреляет.
Брайтон Бич воркует.

На Брайтон биче есть бичи.
Они круты и горячи,
Ону умеют жить. Хомить. И бить по роже.
Они умеют загулять -
И есть куда! Русь-Наша-Мать
(С приставкой экс) к нам сливки шлет –
И сливки с сливок тоже!

Как в Мекку, прет сюда Союз,
А Брайтон бич не дует в ус
На Пугачеву, как на дам игрок с тузами.
Снисходит Брайтон иногда
Лишь – сам видал, что да то да!-
До Членок Сборной Красоты России Мамы.

Брайтон Бич гуляет.
Брайтон Бич пирует.
Брайтон-бич стреляет.

Брайтон-бич воркует.

На Брайтон Биче – океан!
Едим икру. Жуем банан
И пьем армянский коньячек когда хотим мы.
Доход Бича – прикинь в мозге –
Превысил кредит *эссен-ге*.
Москва и Брайтон Бич – столицы-побратимы.

Ты Брайтон-бич. Я Брайтон-бич.
Нам даже в тапочках Ильич
Уже не снится. Спится Брайтону привольно.
Сюда тянулась (сам видал)
Рука Москвы. Я квотер дал
Руке. Рука Москвы была весьма довольна.

Брайтон-бич гуляет.
Брайтон-бич пирует.
Брайтон-бич стреляет.
Брайтон-бич воркует.

1984 г.

Подводя итоги минувшего тысячелетия, надо прямо сказать: оно не прошло под знаком зодиака.

Хая Львовна, политическая обесревательница

Знаете ли Вы:

Что Брайтон Бич – это звучит гордо!

Что Еврей – тоже человек?

Что Годовой Доход Брайтона и Российской Федерации в валовом исчислении в 1999 году шли голова в голову?

Что по количеству синагог на квадратный метр Брайтон Бич занимает первое место в мире, опережая такие развитые страны, как Израиль и США?

Что Брайтон Бич – единственное место на земле, где

русский и чеченец,
армянин и азербайджанец,
грузин и абхазец,
священник и мулла,
суфразистка и трансвестит,
рекетир и вегитарианец,
красный и белый,
зеленый и голубой

мирно уживаются не только друг с другом, но и с евреями?

Что русский человек на Брайтоне –

не национальность.

Не вероисповедание.

Не этническая принадлежность.

Не политическое убеждение.

Не факт биографии.

И даже не диагноз.

Русский человек на Брайтоне – это судьба.

Что дисидент и его следователь,
отказник и его куратор,
политзаключенный и его надзиратель,
инакомыслящий и его секретарь парткома,
политический обозреватель и политический обосреватель
в Америке получают одинаковое пособие по безработице?

Что русские русские (и это то, с чем самым гордым из нас труднее
всего смириться) составляют на Брайтоне подавляющее национальное
меньшинство?

Иван Хаймович, Брайтон Бич Божий

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ:

Что Брайтон Бич - черта российской оседлости?

Что *БИЧ* на американском жаргоне оксфордского означает *пляж* или *берег* ?

Что *БИЧ* на советском жаргоне русского означает:
Бывший Интеллигентный Человек?

Что когда евреи уезжали с двумя чемоданами, их суммарный вес не
должен был превышать веса владельца?

Что наши взяли прилегающий к океану район Нью Йорка путем
длительной осады мирным сосуществованием местного населения с
нами, сделав жизнь проживавших в нем афроамериканцев такой
невыносимой, что негры не выдержали и слиняли?

Что передовой отряд брайтонцев составляют те, кто правильно
произнести, где живут, не могут ни на каком языке?

Что, как показали опросы проведенные в Запорожье, Брайтон Бич является третьей по популярности улицей Украины, уступая лишь Дерибасовской и Крещатику?

Что, как показали опросы, проведенные в Заполярье, Брайтон Бич делит первое и второе места среди самых популярных улиц России с Невским проспектом, потому что Тверскую и улицу Горького семьдесят три процента опрошенных считают двумя разными улицами?

Что от Брайтон Бич Авеню до Атлантического океана рукой подать?

Что плавать в Атлантическом океане, омывающем Брайтон, можно на два месяца дольше, чем в Адлере?

Что Брайтонский пляж на 20 процентов шире Пицундского и на 65 процентов чище Сочинского?

Что соображать на троих на Брайтоне негде и не с кем?

Что если на Брайтоне тебе говорят ША, то надо заткнуться?

Что число российских министров, посетивших Брайтон Бич, в 1,7 раза превышает их численность на заседаниях в Кремле при полном кворуме?

Что в любом вагоне любой линии Нью Йоркского метрополитена слышна многоязычная русская речь?

Что когда Брайтон Бич гуляет, то это вообще?

Иван Хаймович, Брайтон Бич Божий

КОАНЫ БРАЙТОНА

Танцовщица из Воронежа, специалистка по танцу живота и лифчика, с двухнедельным стажем работы по новой специальности и трехнедельным в Америке, спросила меня с чувством глубокой национальной самодостаточности:

- Ты еврей или американец?

То есть в головушке – или в другой части тела – этой дурешки разумеется, просто произошла калька с русского классического: ты еврей или русский?

Однако разница между двумя свехреждавами настолько фундаментальна, что даже для уяснения, почему этот вопрос в Америке звучит так абсурдно, что под каждым уровнем этого абсурда скрывается следующий абсурд, требуются глубокие раздумья. И чем глубже в них погружаешься, тем больше хочется выпить.

Две шапочки.

О времени и о себе нельзя говорить вне времени и вне себя.

О, Брайтон Бич, место дружбы народов и женщин.

ГЛЯДЯ ИЗ БРАЙТОНА

Всемирные Новости

Президент России Борис Ельцын начал войну в Чечне. И чего это он?

Во французском городе Париже вдова мадам Джерси родила девятерню: мальчика, девочку, девочку, девочку, мальчика, мальчика и еще одну тройню. Роды продолжаютя.

Вчера в Каннах открылся четвертый симпозиум на тему: Есть ли жизнь на Земле. На трех предыдущих, проходивших на Гавайях, Канарах и Французских Альпах ученые не пришли к единому мнению.

Президент России Путин пообещал мочить террористов в парадной. Во дает!

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС. Только что в Каннах завершился симпозиум Есть ли жизнь на Земле. После двухнедельных горячих дебатов ученые пришли к выводу, что жизнь на земле есть.

ВРАЧЕБНЫЕ БЫЛИ

Человек, который чаще всего сталкивается с брайтоновцами и при этом оные раскрывают ему свою душу беспорно врач. Люди наблюдательные с врачебным дипломом имеют целые кладези историй, рассказанных им больными. Например, такие:

- Чтобы у вас лечиться я готова ехать в ваш второй офис за Вера-Зяма бриджем.

- Вера-Зяма? Кто такие?

- Не знаю, были наверно такие влюбленные.

Только после долгих уточнений что под вера-зяма бриджем брайтонец понимал Верразано Мост, связывающий Бруклин с Стейтен Айлендом, всем известный и один из крупнейших в мире.

На экрамене по гражданству на вопрос: кто был первым президентом соединенных штатов, пожилай брайтоновска одесского типа живо ответила – Джордж Вашингтон Бридж. Эти три слова у нее вылетели изо рта, как строка стиха, как поэма, как нечто нераздельное целое.

Жена доктора Беницианова, работающая в его офисе менеджером, вспоминая моего ныне покойного папу вспомнила, что обычно он спокойно сидел и читал. А тут вдруг подходит к ней и спрашивает: могу я взять со стены в туалете объявление и оставить себе.

- Конечно. А что это за объявление.

Отец приносит. А там написано: УВАЖАЕМЫЕ ПОЦЦИЕНТЫ. Через о и два ц. Очевидно, писавшая считала, что слово пациент происходит от слова поц. Интересно, что объявление это провисело более года и никто ничего не замечал. Пока в туалет у врача не зашел мой папа.

Приходит пациент (чере а и с одним ц. Хотя по сути, скорой через о и с двумя ц). И сообщает: я принес анализы умирая с авеню Ха.

Оказывается под умираем он имел в виду MRI, а под авеню ха Avenue X.

Женщина не чрезмерно преклонного возраста спрашивает: скажите, кто такая Соня Исланд?

- Не знаю, отвечает врач. Я на Брайтоне вообще мало кого знаю.

- Странно что не знаете. Это какая то очень богатая женщина. У нее и медицинские офисы, и дантисты, и кар сервисы, и даже банки. Кого ни спрошу все посылают к Соне Исланд. Все понимаю – одного понять не могу: кто это за Соня Исланд такая?

Дайте направление.

Врач читает. И видит что в направлении в качестве улицы, на которой расположен офис указана Coney Island Ave.

Приходит больной к врачу и говорит: у меня понос, доктор.

- опишите. От чего понос, какой понос.

= Ну как вам сказать... Вы в магазине International были?

- Допустим.

- Охотничьи сосиски знаете?

- Знаю. И что.

- Так вот у меня не такой понос, как сосиски по 2.99, а такой как сосиски по 4.40 за паунд.

